

★ А ★ Н ★ Д ★ Р ★ Е ★ Й ★

ТААБУНА

КРЫСА

★ ★ ★

ЛИВАДНЫЙ

КОЛОНИЯ

ЭКСМО

Форма жизни

Андрей Ливадный

Колония

«Автор»

2004

Ливадный А. Л.

Колония / А. Л. Ливадный — «Автор», 2004 — (Форма жизни)

Тридцать миллионов лет – немыслимый срок для землян, осваивающих Марс. И краткий миг для андроида, пролежавшего все это время в анабиозе по воле могущественных врагов с давно погибшей планеты. Две эпохи, две цивилизации, разделенные пропастью веков, – и такие схожие проблемы... Чудовищная космическая катастрофа не погубила бы несчастную Селену, если бы не внутренние распри обитателей планеты, порожденные жаждой могущества и наживы. И сейчас здесь, на Марсе, все повторялось вновь на очередном витке бесконечной спирали времени... Быть может, встреча с братом по разуму (хотя и наполовину механическим) поможет людям избежать участи своих предшественников?

© Ливадный А. Л., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Пролог	5
Часть 1	10
Глава 1	10
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Ливадный

Колония

Пролог

Коричнево-желтые пустыни Марса.

Он не забудет их никогда. Каменистые проплешины бурой, местами потрескавшейся почвы сменяются здесь пятнами желтого песка, который может скрывать под своей толщей впадины глубиной в десятки метров. Техника на глазах проваливалась в них, за считанные секунды уходя в сыпучую пучину.

Этого не забыть, как не избавиться от непередаваемого ощущения одури, не отпускавшего с момента пробуждения от искусственного сна, и засевшего в подсознании чувства глобального одиночества, вызванного мыслью о семидесяти миллионах километров пустоты, что лежат между двумя планетами... А впереди ждет сама неизвестность в ее натуральном, практически безнадежном виде.

Вспышка...

Дымящиеся комья оранжевого суглинка разлетаются в стороны, оставляя за собой сизые шлейфы, осколки с ноющим визгом уходят на излете. Дымчатый светофильтр гермошлема не может полностью защитить глаза, они на миг слепнут, и ты внезапно ощущаешь себя вне времени, которое перестает существовать, будто близкая серия разрывов погружает разум в иной, субъективный темпоральный поток, который едва течет по сравнению с реальным бегом секунд...

Автоматика боевого скафандра еще работает, несмотря на истощение автономного ресурса и множественные осколочные попадания, повредившие часть внешних датчиков... В коммуникаторе шлема бьются звуки, но разум, истощенный боевыми стимуляторами, уже не воспринимает их как неразрывный информационный поток, а прихотливо ловит отдельные проявления боя, так же, как взгляд, мутный от перенапряжения и усталости, своенравно концентрируется на фрагментах порванной дымными шлейфами мозаике событий.

Сердце глухо бьется в груди, и каждый его удар отдает в виски горячей пульсацией крови.

Ничего удивительного: система жизнеобеспечения израсходовала весь запас боевых препаратов, и чуткая автоматика уже не может реагировать на выбросы адреналина – ей нечем сглаживать пиковые перегрузки моментальных стрессов, и на первый план вдруг выходит иная ткань ощущений – незнакомая, но древняя, как мир.

Так воевали в прошлом, когда между бойцом и реальностью не стояли системы метаболического контроля, нивелирующие чувства, поддерживающие разум в состоянии искусственного хладнокровия...

Приземистые постройки населенного пункта приближаются слишком медленно: автономный энергоресурс боевого скафандра почти исчерпан, индикаторы напряжения тлеют злобными красными огоньками, и сервоприводы¹ усилителей мускулатуры работают лишь на тридцати процентах расчетной мощности.

Боевая экипировка весит четыреста килограммов, и при таком раскладе двигаться неимоверно тяжело, ноги глубоко вязнут в бурой грязи, а усилившийся дождь, будто в издевку, хлещет косыми струями; блеклая электростатическая полоска, периодически пробегающая по забралу гермошлема, уже не успевает смахивать капли воды, и они змеятся прихотливыми зигзагами, скользя по выпуклому бронепластiku...

¹ В понимании селенинов, серв – не только механизм, этот термин обобщает все искусственно созданные устройства.

Смерть продолжает свой неистовый танец, но шум проливного дождя кажется громче, чем ватный рокот разрывов и басовитые, ритмичные стаккато бьющих со стороны поселка автоматических орудий.

Мысль о жизни и смерти уже не тревожит разум, прежние чувства гложут, оставляя лишь одно стремление – двигаться вперед, навстречу частым стробоскопическим вспышкам огня. Это не хладнокровие и даже не отрешенность, а неведомое ранее, крайнее состояние рассудка, когда все самое страшное уже произошло и любые переживания становятся смехотворными на фоне той ритмики боя, что не отпускает измученный рассудок...

Вспышка...

Зрительный нерв уже не реагирует на яростный всплеск огня, лишь сервомоторы боевого скафандра на миг меняют тональность, звук их работы становится резче, когда механические псевдомускулы экипировки выходят в иной темп, компенсируя ударную волну...

Резкий поворот головы, беглый взгляд по сторонам, моментальное сравнение поступающих на компьютерный дисплей данных с реальной картиной происходящего внезапно концентрируют внимание на бегущей рядом фигуре, закованной в темную, испачканную грязью броню, а близкий грохот разрыва заставляет взгляд сорваться с крохотного оперативного окна тактической системы, мгновенно переключаясь на иное, гораздо более информативное и страшное восприятие событий.

Внезапно ожившее автоматическое орудие, скрытое среди недавних лесопосадок, ударило фактически в упор, и миг объективного времени вновь начал растягиваться в вечность, словно разум в очередной раз спонтанно вышел на невероятную для обыденности остроту восприятия: скорость мысли опережала реальный ритм событий, наглядно доказывая, что разговоры о потенциальных возможностях человеческого мозга – отнюдь не миф...

Он не видел острые жала снарядов, но зримо воспринимал инверсионный след, возникающий при их движении, – воздух терял прозрачность в зонах турбулентности, – однако мутные линии, прочертившие дождливую хмарь, были лишь мимолетной тенью наступившего потрясения...

Тугая очередь снарядов ударила в бегущую невдалеке фигуру, и он отчетливо увидел, как ломается броня, разлетается искрящимися брызгами осколков забрало гермошлема, из разорванных шлангов бронескафандра вдруг начинает извергаться вязкая струя маслянистой жидкости, мгновенно смешиваясь с дождем и мутно-красными облачками, сотканными из мельчайших капелек крови...

Сознание не выдерживает этой картины, в голове, в такт редким ударам пульса бьется отчаянная мысль: *тебе не выбраться отсюда живым, все кончено, нет больше сил для непрерывного бега...* но усилившийся дождь рвет шлейфы дыма, прибавляет частички гари к земле, и взгляду открывается расположенный в десятке метров бронепластиковый бастион, в амбразуре которого смутно виднеются курящиеся паром стволы перегретого от частой стрельбы автоматического орудия и копошащиеся за ним фигуры человекоподобных машин...

Молниеносный взгляд на контрольные дисплеи сразу же отрезвляет рассудок. Встроенные системы тяжелого вооружения скафандра недееспособны:

Тактическая ракетная установка – *статус активна. Наличие боекомплекта – ноль.*

РКАП-20 – *активирован, боекомплект – ноль.*

Нет времени на медленные танцы, как любил говорить капитан Шевцов.

Мокрый ствол «абакана» резко идет вверх, теперь уже мысли безнадежно отстают от машинальной реакции тела, преданно вздрагивает электромагнитный затвор, ритмично выбрасывая тусклый поток горячих гильз. Первые пули, снабженные титановыми сердечниками, выбивают острую пластиковую щепу из закругляющегося бруствера переносного укрытия, прошивая его насквозь; рука тут же исправляет ошибку, и появившаяся в поле зрения голова андроида вдруг разлетается вдребезги, выпуская искрящийся фонтан света из перерубленного

оптоволоконного интерфейса; дальше следует рывок в сторону, и подствольный гранатомет издает очередь из трех хлопков, посылая термические фанаты по короткой траектории прямой наводки.

За узким разрезом амбразуры, внутри укрытия вспухает неистовый шар огня, и тут же начинают рваться боекомплекты, раскалывая бронепластиковый бастион на уродливые обломки, которые взмывают в воздух и катятся по земле, оставляя после себя причудливые, истекающие зловонным дымом расплавленные фрагменты...

* * *

Он вздрогнул и проснулся, всем телом ощущая мокрое прикосновение пропитанных ледяным потом простыней и бесконтрольные волны нервной дрожи, мурашками стягивающие кожу на затылке.

Во рту, порождая оскому, чувствуется знакомый железистый привкус.

Несколько секунд Климов лежал неподвижно, пока разум медленно выпутывался из тенет провального сна, потом, когда вязкая тишина и сумрак чужой спальни окончательно материализовались в ощущение действительности, он вспомнил, где находится, сел, брезгливым движением отбросив мокрую простыню, и машинально произнес:

– Свет.

Странно, но кибернетическая система отреагировала на посторонний для нее голос. Тускло вспыхнули квадратные сегменты потолка, оправленные в пластиковую имитацию лепнины, и границы восприятия сразу же раздвинулись до размеров спальни...

Он протянул руку, взял с низкого столика мятую пачку сигарет, оставленную тут прежним хозяином особняка, мельком взглянул на снятый с предохранителя «абакан» и прикурил, впитывая всем телом сухое тепло подогретого воздуха, поступающего из системы кондиционирования.

Сознание двоилось, словно душа не могла решить, что воспринимать как данность – покой и полумрак помещения или холодно поблескивающий металлопластик автомата, на котором серыми разводами виднелись высохшие следы воды и грязи?

Сизый сигаретный дым поплыл по комнате, смешиваясь с тонким ароматом цветущего травостоя, страшный морок медленно отступал, лишь мелко дрожали кончики пальцев да во рту по-прежнему было сухо и противно.

– Включи душ и окно.

Компьютерная система мгновенно отреагировала на голос. За тонкой пластиковой перегородкой раздался шелест воды, а часть стены напротив кровати внезапно утратила непроницаемость, неожиданно продемонстрировав панораму огромного города, по многоуровневым магистралям которого текли миллионы огней от движущихся машин.

Земля...

Родная благословенная Земля, где нет кошмарного ощущения одиночества. Реалистичное контрастное стереоизображение вызвало в душе глухую боль.

Земля... – будто заклятие повторил внутренний голос. Совсем недавно по меркам субъективного времени Климов мечтал о том, чтобы покинуть ее, вырваться из многомиллиардного муравейника, ощутить простор иной планеты, но теперь, после всего пережитого, он вдруг начал впитывать каждой клеточкой своего тела успокаивающий пульс жизни...

Все познается в сравнении, люди не склонны воспринимать чужой опыт, и ему понадобилось лично взглянуть в бездонную чернь космического пространства, чтобы осознать пугающую пустоту Вселенной и научиться ценить незримое единство миллиардов людей...

* * *

Спустя десять минут он вышел из ванной комнаты.

Компьютерная система роскошного особняка, настроенная на привычки незнакомого Климову человека, уже приготовила кофе и убрала постель, спрятав кровать в вертикальной нише, за раздвижными облицовочными панелями.

Мельком взглянув в зеркало, он остановился.

Он обманывал себя – ночной кошмар не ушел, лишь затаился на время за лихорадочным блеском глаз.

Он едва не рассмеялся в лицо собственному отражению.

Панорама земного мегаполиса, раскинувшаяся в глубинах электронного окна, скорее всего, являлась данью ностальгии либо обобщенным напоминанием о метрополии, а может быть, простой, ничего не значащей картинкой из набора стереослайдов – Климов понятия не имел, что за человек проживал тут до последнего времени...

– Погаси окно.

Экран потемнел, затем слился с фоном стены, восприняв текстуру отделки.

С тихим шелестом к ногам Климова подкатил низкий столик. Он взял чашку с кофе, обжигаясь, выпил его и подошел к дверям спальни.

Сбоку, в пяти сантиметрах от пола, к пластиковому косяку был прикреплен ультразвуковой передатчик невидимой для глаза электронной «растяжки». Взрывной заряд располагался по ту сторону дверей. Присев на корточки, он осторожно дезактивировал прибор, снял его с креплений и открыл дверь.

В доме царила глухая, ватная тишина. Отложив взрыватель, Иван вернулся в спальню за «абаканом» – автоматической штурмовой винтовкой, состоящей на вооружении Российских военно-космических сил.

Спустившись по лестнице в обширный холл, он увидел свой боевой скафандр, очищенный от грязи и подключенный к системе энергопитания пустынного дома. Рядом лежала его выстиранная форма, и недавний морок окончательно исчез, истаял, будто разом вернулась память...

«Сколько же я проспал?..» – Климов помнил, как, оставшись один, он отбил внезапную контратаку андроидов, добрался до небольшого покинутого людьми поселения, зашел в первый попавшийся по пути особняк, понимая, что силы вот-вот окончательно оставят его. Нужно было дать отдых измученному телу, зарядить энергоблоки боевого скафандра, а главное – попытаться наладить связь. Но коммуникатор упорно молчал, и после нескольких безуспешных попыток связаться с кем-либо из десантных групп сил у Ивана хватило лишь на то, чтобы выбраться из перепачканной липкой грязью бронированной оболочки, достать из технического отсека кабель подзарядки с универсальными разъемами и, подключив скафандр к локальной энергосети, подняться на второй этаж.

Он установил растяжку на входе в спальню и, дойдя до чужой постели, рухнул на нее, чтобы провалиться в кошмарный сон.

Проспал он всего полтора часа.

Панорама земного мегаполиса, которую демонстрировало электронное окно, была не более чем иллюзией.

Сквозь прозрачные двери особняка он видел низкие, хмурые марсианские облака.

«Мне никогда не вернуться на Землю...» – пришла из глубин подсознания отчаянная, удушливая мысль.

Он отогнал ее прочь.

Надев форму, Климов осмотрелся, теперь уже внимательнее, и взгляд быстро отыскал покатый корпус бытового робота, который застыл в отведенной ему нише, изредка помаргивая зелеными индикаторами резерва.

Ясно, значит, еще как минимум один такой же робот находится в спальном помещении, а все комнаты в доме соединены пневматической системой транспортировки, иначе как объяснить, что его форма, снятая и брошенная на полу подле кровати, оказалась тут, тщательно выстиранная и отглаженная?

Посмотрев на скафандр, Иван присел на край стола. Внимательный осмотр экипировки, которую робот тщательно очистил от грязи, показал, что, кроме множественных выщербин на бронепластинах, иных серьезных повреждений нет, но стоило задуматься: будет ли толк от четырехсот килограммов сервоприводной оболочки, если боекомплект встроенного оружия израсходован да и система боевого поддержания жизни истратила все метаболические препараты?

Не лучше ли идти налегке, полагаясь на собственные силы?

Рука машинально коснулась сенсора активации, расположенного за открытым забралом гермошлема, но шли томительные минуты, а коммуникатор, автоматически меняющий частоты связи, издавал лишь ровное фоновое шипение помех.

Климов коснулся другого сенсора, и броня послушно раскрылась, взвизгнув сервомоторами.

Он аккуратно отделил от внутренней оболочки свой бронежилет, затем освободил от магнитных креплений разгрузку, в клапанах которой покоились запасные магазины к «абакану», комплекты первой помощи, рационы выживания и три ножа – один универсальный и два метательных.

«Пойду налегке», – окончательно решил он, надевая бронежилет.

Связь отсутствовала, но это не означало, что он остался совершенно один. В атмосферу Марса одновременно погружались пять десантно-штурмовых модулей, на орбиту вокруг планеты в течение суток должен выйти крейсер «Светоч», значит, тишина в эфире вызвана чисто техническими проблемами.

Климов хорошо запомнил район, над которым был сбит их посадочный модуль. Сейчас, даже без карты, он мог предположить, что находится в семидесяти километрах от космопорта «Южный», на территории сектора освоения корпорации «Фон Браун». До границы Российского сектора километров двадцать, не больше.

«Буду прорываться к своим, – подумал Иван, перезаряжая „абакан“. – Семьдесят километров – не расстояние, дойду».

Единственное, что угнетало и тревожило Климова, – это полное непонимание происходящего. Их взвод подняли по тревоге, без стандартной процедуры пробуждения от глубокого сна. «Светоч» в тот момент уже выдвигался к орбите Марса, и спустя два часа после пробуждения весь личный состав десантной роты уже был распределен по модулям и автономные аппараты один за другим отстыковались от крейсера...

Несомненно, офицеры были осведомлены о том, что стряслось в колонии, но никто не доводил никаких подробностей до личного состава подразделений.

Наверняка Климов знал лишь одно: точка сбора – космопорт «Южный».

...Десять минут спустя, подогнав экипировку и еще раз проверив оружие, он вышел из приютившего его дома.

Стоял хмурый день. С небес моросил мелкий дождь. Влажный воздух Марса нес запах мокрой травы и далеких пожаров.

Он повернулся и молча пошел по аллее, ведущей к массивным воротам усадьбы. Ему предстояла сложная задача: не только выжить, добраться до своих, но и выяснить, что же на самом деле произошло в колонии.

Часть 1

Колония

Глава 1

Российский сектор освоения Марса. Космопорт «Южный». 30 мая 2415 года по земному календарю...

Космос неуловимо меняет наш разум и душу.

Иннокентий Осипович Багиров подумал об этом, спускаясь по трапу челночного корабля, совершающего регулярные рейсы между орбитальной станцией «Фобос» и Российским сектором освоения Марса.

Пока «Буран М-110» совершал орбитальный, а затем атмосферный маневры, у Багирова было достаточно времени, чтобы вспомнить некоторые вехи общеизвестной истории, невольно сравнивая ролики, демонстрирующиеся по земным каналам сферовидения, с той реальностью, что разворачивалась перед ним на информационном экране.

Если смотреть на современный Марс с орбиты, то не увидишь ничего, кроме пепельно-серых клубящихся покровов плотной облачности. Красная планета, как называли ее предки, давно изменила свой цвет, а причиной такой разительной перемены являлись сотни станций переработки атмосферы, которые на протяжении первых пятидесяти лет активной колонизации постепенно меняли климат, сначала создав, а затем постоянно поддерживая плотное покрывало серой, напитанной влагой облачности.

Изначально атмосфера Марса, на девяносто процентов состоявшая из углекислоты, была прозрачна, непригодна для дыхания и не могла удерживать тепло, отчего суточные колебания температуры на поверхности планеты совершали скачки в десятки, а иногда и сотни градусов по шкале Цельсия.

Неприемлемое место для проживания под открытым небом, но к началу двадцать третьего века освоение новых жизненных пространств из области мечты романтиков-одиночек перешло в плоскость суровой практики.

Несмотря на оптимистические прогнозы, звучавшие в конце двадцатого – начале двадцать первого столетия, демографическая стабилизация затронула лишь развитые страны с изначально высоким уровнем жизни. Общий же прирост населения Земли продолжался. На фоне оскудения естественных ресурсов и необратимых изменений биосферы фактор перенаселенности постепенно, год от года «выдавливал» людей в космос, однако огромные орбитальные станции и герметичные лунные города уже не могли решить проблему – они лишь усугубили ситуацию, окончательно загнали ее в тупик, наглядно демонстрируя миллионам семейных пар, какая участь ждет их детей во внеземных поселениях.

Невыносимые условия замкнутых пространств, теснота отсеков, малая гравитация – все это влияло не только на психику вчерашних землян, но и существенно видоизменяло физические данные новорожденных. «Дети Внеземелья» – так окрестила вездесущая пресса поколение, появившееся на свет в условиях орбитальных станций и лунных городов, – несли в своих генах неизгладимый отпечаток новой среды обитания. Замкнутые, неразговорчивые, с непропорционально удлинненными конечностями, они в результате низких значений гравитации рефлекторно учились использовать для передвижения не только ноги, но и руки.

Поколение, рожденное в космосе, никак не вписывалось в радужные прогнозы о «галактическом будущем человечества», а на Земле продолжало прирастать население государств, число которых к началу двадцать третьего века значительно уменьшилось по сравнению с прошлой эпохой. Часть небольших стран была насильственно поглощена более крупными соседями, большинство же объединялись на добровольной основе, используя эталон Европейского союза. Из всех исторически сложившихся мировых держав лишь Австралия и Россия избегали крайних форм укрупнения.

Особое положение России обуславливалось не только огромной территорией страны, простирающейся на половину Евразийского континента, но и наличием трех интенсивно расширяющихся пограничных конгломератов: на западе это был Евросоюз, с юго-восточного направления начиналась территория Новой Азии – государства, объединившего Китай, Монголию, Индию, Таиланд, Японию, Корею, Вьетнам и другие страны азиатского региона, а с юго-запада вплотную подступали границы обновленных Арабских Эмиратов, изрядно обедневших за прошедшие столетия и обративших свой экспансивный взор на Африканский континент.

Передел мировых границ, длившийся на всем протяжении двадцать второго века, не привел к третьей мировой войне лишь благодаря твердой, скоординированной политике России и Евросоюза, не принимавших непосредственного участия в затянувшейся серии локальных войн, сопровождавших появление на политической карте планеты Новоазиатского государства и Обновленных Эмиратов, но выступавших единым фронтом в вопросах ограничения разгоравшихся военных конфликтов.

Объединение Северной и Южной Америк на этом фоне прошло практически безболезненно, но привело, как и в случае с Эмиратами, к определенной стадии экономического и политического регресса, когда поглощение слаборазвитых государств вынуждало свертывать наиболее прогрессивные программы развития, требующие внушительных капиталовложений.

Таким образом, на политической карте Земли прочно обосновались пять крупных держав, но только три из них остались конкурентоспособны в сфере высоких технологий и внеземельных проектов.

К началу программы освоения Марса в ней принимали участие Россия, Евросоюз и Соединенные Штаты Америки, но к концу двадцать третьего века, после политического слияния континентов, американское правительство продало свою долю участия в марсианской программе новоазиатам, оставив за собой лишь незначительный по площади фрагмент терраформированных пространств.

Некогда единая межгосударственная программа преобразования Красной планеты хоть и сохранила техническое единообразие приемов и общий стандарт используемого оборудования, но развитие секторов освоения Марса вот уже полвека шло абсолютно разными путями.

Изначально предполагалось, что терраформированный Марс станет объектом для массового переселения миллиардов людей, но с течением времени исходная схема колонизации претерпела глобальные изменения, прежде всего в силу экономических причин.

Построенная в самом начале освоения сеть атмосферных процессоров, была полностью автоматизирована и рассчитана на два столетия автономной эксплуатации, поэтому преобразование атмосферы Марса не встречало особых трудностей и шло своим чередом: сотни распределенных по обоим полушариям станций формировали плотный, насыщенный водными парами облачный покров, который, в свою очередь, создавал парниковый эффект, сглаживая экстремальные пики температур, а миллиарды тонн микроорганики усердно поглощали углекислый газ, выделяя все большее количество свободного кислорода.

Первая, наиболее рискованная фаза терраформирования закончилась четверть века назад, но девяносто процентов марсианской поверхности по-прежнему представляли собой безжизненные пустыни.

В конце двадцать третьего столетия, в силу ряда экономических причин, у Красной планеты появились *хозяева*, а это в корне изменило исходную колониальную политику.

Спустя двести лет после начала работ по преобразованию Марса в колониальном проекте остались четыре участника: Россия, Объединенная Америка, концерн «Новая Азия» и корпорация «Дитрих фон Браун», выступающая под юридическим патронажем Европейского союза, причем последней принадлежало более шестидесяти процентов всех преобразованных площадей и соответственно – планетарной техники.

Политика «Фон Брауна» являлась на сегодняшний день определяющей силой марсианских преобразований и была ориентирована прежде всего на получение прибыли, основным источником которой, помимо добычи полезных ископаемых, являлись комфортабельные поселения, возведенные на терраформированных площадях Марса. Естественно, продавая застроенные участки преобразованных марсианских пустынь, менеджмент корпорации опирался на состоятельные слои земного общества, которые могли заплатить реальные деньги за переселение из урбанизированных городов-муравейников на простор «Новой Земли», как все чаще именовали Марс в дорогостоящих рекламных акциях.

Реальность Марса сегодняшнего, нарисованная специалистами «Фон Брауна», демонстрировала потенциальным покупателям оживающий на глазах, обеспеченный всеми удобствами мир, разделенный на обширные, отстроенные «под ключ» усадьбы с полным комплексом робототехники, включая человекоподобных роботов-андроидов в качестве домашней прислуги, и броскими, умело обыгранными в рекламе надписями «*private*» на табличках у входа во владения будущих колонистов.

На фоне этого блекли и казались незначительными усилия по тотальному переселению, предпринимаемые странами и союзами государств, – проект «Колония» в течение столетия перешел в категорию дорогостоящих коммерческих предприятий, и главным игроком на марсианском поле сегодня являлась корпорация «Дитрих фон Браун», монополизировавшая не только шестьдесят процентов освоенных территорий, но и львиную долю добычи полезных ископаемых.

...Белоснежный «Буран» коснулся многоосными шасси взлетно-посадочной полосы космопорта и скользнул по ней, словно огромная, сложившая крылья чайка.

Спустя минуту челночный корабль остановился на обширной площадке, где его уже ждали тягачи, чтобы отбуксировать на стоянку, предназначенную для высадки пассажиров.

* * *

Нога Багирова впервые ступила на землю колонии, и в душе его что-то трепетно вздрогнуло – вокруг простирался совершенно незаурядный пейзаж да и небо над головой выглядело необычно: низкие лохматые тучи образовывали непроницаемый покров, поддерживающий постоянный парниковый эффект, призванный сгладить контрастные перепады ночных и дневных температур.

В остальном космопорт «Южный» и прилегающая к нему местность напоминали кинохронику конца двадцатого – начала двадцать первого века. Тераформированные равнины Марса показались Багирову удивительно схожими со степями Казахстана, где располагался знаменитый «Байконур».

Сойдя с нижней ступеньки трапа, он остановился, оглядываясь по сторонам в поисках встречающих, однако не заметил никого, кроме пассажиров челнока, направляющихся к микроавтобусу.

Иннокентий Осипович пошел вслед за ними, мысленно поймав себя на машинальной задержке дыхания – инстинктивной привычке, от которой теперь можно будет избавиться хотя

бы на время. Воздух Марса холоден, но чист, он не отравлен, как на старушке Земле, но ему, коренному жителю мегаполиса, пришлось сделать усилие, чтобы вдохнуть полной грудью...

Голова закружилась от запахов...

Багиров неторопливо направился к микроавтобусу, глядя на блестящие от осевшего утреннего тумана взлетно-посадочные полосы, изгибающиеся рулежные дорожки для «Буранов», невысокий бетонный забор, за которым по правую руку рос настоящий хвойный лес, а слева простирались бескрайние, теряющиеся в сиренево-серой дымке поля, засеянные разными сортами адаптированных к марсианской почве трав.

С одной стороны это казалось чудом, райским уголком, который создан не вопреки, а благодаря природе. Не оскверненная кислотными дождями зелень без бурых пожухлых пятен ласкала глаз и одновременно настораживала разум. В голове почему-то роились воспоминания об исполинских, но уже перенаселенных орбитальных станциях, колючих искорках звезд и черноте расплескавшейся вокруг Бездны, которая неизменно подавляла рассудок своей бесконечностью.

Семьдесят миллионов километров отделяли его от дома, друзей, привычной жизни, и это *знание* подспудно давило на разум, как будто предупреждало: не расслабляйся, все очень обманчиво, прослойка жизни, посеянная на мертвых равнинах, еще непостоянна, тонка и капризна, а этот райский уголок имеет четкий термин, его обозначающий, – колония.

Иннокентий Осипович уже давно не испытывал столько противоречивых впечатлений и чувств, сжатых в ничтожном отрезке времени и расстояния: две минуты и десяток метров, что отделяли его от дверей микроавтобуса, приоткрыли Багирову целый мир, из-под пасторальной маски которого прорывалось нечто хорошо знакомое, прижившееся на донышке памяти еще с тех пор, как он служил в Военно-космических силах России. Это было сродни ощущению темного, холодного, безжизненного взгляда, словно планета, носящая имя древнего бога войны, внимательно взираала на очередного пришельца, еще не решив, принять его в свое лоно или нет...

Микроавтобус плавно и беззвучно тронулся с места, набирая скорость. Мимо мелькали аккуратно подстриженные газоны, их зелень выглядела такой сочной и яркой, что невольно подкрадывалась мысль: а не эрзац ли это? Но сладкий аромат, проникающий в салон через опущенное боковое стекло, тут же отметал сомнения – трава была настоящей.

* * *

Над зданием космопорта трепетал на ветру флаг. Российский триколор с добавлением логотипа колониальной администрации – тускло-красного шарика планеты, опоясанного четырьмя кольцами орбит – по количеству секторов освоения и соответственно земных государств-метрополий. Устремленная ввысь постройка, выполненная из стеклобетона, казалась массивной и в то же время какой-то полупрозрачной, изящной, – классический неомодерн сочетал в себе прочность бетона и дымчатую полупрозрачность стекла, а заключенная внутри арматура приобретала вид произведения искусства, сплетая в глубине массивных стен изящное кружево стилизованных фигур.

В сочетании с панорамой лесного массива и зелеными участками газонов комплекс выглядел просто потрясающе.

Багиров еще не освоился с мыслью, что окружающие красоты никуда не исчезнут и он сможет любоваться ими как минимум полгода, а если повезет, то и весь остаток жизни.

Он чуть ускорил шаг. Новые впечатления не освобождали от процедуры таможенного и паспортного контроля, к тому же за турникетом его наверняка ждут представители корпорации «Дитрих фон Браун», которые, собственно, и наняли Иннокентия Осиповича для работы в колонии.

«Да, тут все удивительно, практически непостижимо с первого взгляда», – думал Багиров, пока офицер колониальной службы миграции проверял его документы и багаж.

Необычная для колонии профессия вновь прибывшего не могла не вызвать интереса со стороны проверяющего документы офицера, и он спросил:

– Вы прилетели к нам с целью получения работы? Это как-то связано с вашей профессией?

– Да, – кивнул Багиров, не видя причины скрывать очевидный факт. – Я археолог и пришел по приглашению ведущей корпорации Евросоюза.

– То есть вы намерены заниматься раскопками? Иннокентий Осипович пожал плечами.

– Археологическими изысканиями, – уклончиво ответил он, не желая выдавать личной неосведомленности.

– В «Фон Брауне» предполагают, что на Марсе существовала разумная жизнь? – искренне удивился офицер.

Багиров смог лишь развести руками:

– Я не владею этим вопросом. Мне предложили выгодный контракт, и я согласился. Будет ли толк от моих изысканий, наверное, покажет время, а о побудительных причинах спросите вон у тех господ, за турникетом. Думаю, они ждут именно меня.

Офицер покосился в сторону двух молодых людей, которые успели примелькаться еще до прибытия челнока, и вновь повернулся к Багирову:

– Почему вы прибыли через Российский сектор освоения? У корпорации есть свои межпланетные линии сообщения.

– Во-первых, я гражданин России, а во-вторых, меня торопили с прибытием, поэтому я воспользовался Услугами «Росаэрокосмоса».

– Понятно. – Офицер еще раз взглянул на монитор компьютера, затем вытащил унифицированное удостоверение личности из сканирующего устройства и вернул его Багирову со словами: – Удачи вам. Будет сенсацией, если вы что-то обнаружите. Можете мне поверить, Марс никогда не был обитаем, – добавил он. – Я тут уже десять лет и еще ни разу не слышал, чтобы при терраформировании был найден хотя бы намек на какие-то артефакты.

Иннокентий Осипович машинально кивнул в ответ. Он сам не до конца понимал истинную причину, по которой ему предложили работать в колонии. *Марсианская археология* – такое словосочетание резало слух вопиющим новаторством, но Багиров, прочитав условия контракта, все же согласился подписать его. Логика поступка была проста: он не рисковал ничем, его репутация в научных кругах могла приобрести разве что ореол чудаковатости, а вот возможность побывать в колонии, увидеть Марс своими глазами – такой шанс выпадал один раз в жизни, и рассчитывать на него могли немногие.

Ради такой перспективы стоило на время абстрагироваться от всех существующих теорий и заставить свой внутренний голос заткнуться.

Глядя на пятидесятилетнего ученого, сторонний наблюдатель видел стереотипный образ: хорошо, со вкусом одет, чуть вальяжен, имеет деньги и репутацию, но все еще смотрит на мир со здоровым любопытством исследователя. По большей части такая оценка соответствовала истине, но в дополнение к сказанному Багиров обладал рефлекторной осторожностью, доставшейся ему в наследство от прошлого рода занятий, поэтому командировка на Марс не могла не вызвать у него подспудного ощущения тревоги и недосказанности. Чего ради? – настойчиво спрашивал внутренний голос, напоминая, что нет дыма без огня, да и корпорация «Дитрих фон Браун» никогда не бросает деньги на ветер.

Вероятно, они что-то нашли, но держат это в строжайшей тайне, подсказывала логика.

Иннокентий Осипович не позволил разыгаться собственному воображению.

«Время покажет», – философски рассудил он, проходя через турникет.

* * *

Два представителя корпорации немедленно направились к нему, как только Багиров миновал зону таможенного контроля.

– Курт Штиммель, – представился молодой высокий блондин в форме службы внутренней безопасности «Фон Брауна». «Истинный ариец», – мысленно охарактеризовал его облик Багиров. Вторым встречающим оказался низкорослый итальянец, одетый не так строго, как Штиммель: легкая куртка, свитер, брюки, спортивного вида обувь на толстой подошве. Гардероб Роберто Маскани (так отрекомендовался потомок гордых римлян) явно избежал внимания стилистов корпорации.

– Как долетели, господин Багиров? – задал Курт вежливый, риторический вопрос.

Иннокентий Осипович только пожал плечами.

– Много новых впечатлений, – ответил он.

– О, Марс будет долго удивлять вас... – интригующе произнес Маскани, но тяжелый взгляд Курта, брошенный на итальянца, заставил того прикусить язык.

– Иди, получи багаж, – распорядился Штиммель. – Прошу, господин Багиров, нас ждет машина.

Гадать, кто здесь главный, стало излишним, и Иннокентий Осипович спокойно последовал за Куртом.

* * *

Три часа езды по отличным, тщательно спланированным дорогам слились для Багирова в одно непередаваемое впечатление. Первый раз их остановили спустя сотню километров, на границе секторов освоения, но проверка документов тут была чисто номинальной, в конце концов, в колонии не существовало отдельных государств, по крайней мере, де-юре.

В том, что фактическое положение вещей в корне не совпадает с общепринятым мнением, Иннокентий Осипович убедился, как только машина миновала контрольный пост российской стороны и оказалась в секторе освоения корпорации «Дитрих фон Браун», которая осуществляла свою деятельность на Марсе под юридическим патронажем Европейского союза.

Глядя в окно на проносящиеся мимо пейзажи, он не мог не заметить расположенные через каждый километр детекторы, фиксирующие любое транспортное средство, а в ухоженных лесопосадках от внимательного взгляда Багирова не укрылись замаскированные коммуникации в виде приземистых бронепластиковых укреплений, несомненно, соединенных между собой проложенными под землей ходами сообщения.

Подобная инфраструктура требовала внушительных затрат, и, учитывая, что деньги на ее создание выделяла частная компания, следовало предположить, что в колонии все далеко не так идеалистично, как преподносили рекламные ролики «Фон Брауна».

Высокие глухие изгороди, окружающие шикарные особняки, расположенные на территории двух поселений, через которые им пришлось проехать, только усугубили впечатление, к тому же на въездах и выездах из населенных пунктов были установлены стационарные блокпосты, оснащенные средствами тяжелого вооружения.

Багиров обратил внимание Курта на многократную процедуру проверок, но тот лишь пожал плечами в ответ, произнеся как само собой разумеющееся:

– Для нас это не более чем формальность. Пара секунд задержки, пока сканер считывает данные идентификации.

– Такие меры оправданны? В колонии зреет противостояние?

Курт повернулся, с удивлением посмотрев на Иннокентия Осиповича.

– Вы смеетесь? Здесь кругом сплошная частная собственность. Думаете, наши клиенты платят деньги за то, чтобы им мозолили глаза всякие проходимцы?

– А что, бывает?

Штиммель лишь криво усмехнулся.

– Редко, – ответил он и добавил, глядя в сторону горизонта: – В двухстах километрах отсюда начинается граница сектора освоения новоазиатов. Настоящий бандитский клан. Надеюсь, вам не нужно растолковывать, что на самом деле представляют собой подразделения концерна?

– Нет не нужно, – произнес Багиров. – А как в таком случае действуют межгосударственные соглашения о разграничении зон освоения?

– Все соглашения остались на Земле, Иннокентий Осипович, – терпеливо пояснил Штиммель. – За миллионы километров отсюда, – для большей вескости уточнил он. – Вы в колонии. Постарайтесь понять, что здесь большинство законов и юридических норм существуют скорее в базах данных посольств, нежели в реальности. Сектора освоения относительно невелики, и пока нота протеста преодолевает путь от передатчиков колонии до земных орбит, здесь может произойти немало неприятных событий.

– Значит, прецеденты уже были? – уточнил Багиров.

– Мелочи, – успокоил его Курт. – Но мы несем жесткие обязательства перед своими клиентами. Можно быть уверенным в себе, но не в других, поэтому существующая система безопасности сектора, на мой взгляд, вполне оправданна.

Иннокентий Осипович откинулся на мягкий подголовник, глядя на проносящиеся мимо пасторальные пейзажи.

Относительно концерна «Новая Азия» его мнение совпадало с высказанными Штиммелем оценками. В молодости Багирову приходилось сталкиваться с азиатами.

«Интересно было бы узнать, какие отношения у „Фон Брауна“ с Россией?» – подумал он, но вслух задавать вопрос не стал, тем более что машина уже миновала блокпост на окраине крупного административного центра.

Посмотрев сквозь лобовое стекло на широкие, тщательно ухоженные улицы, где непривычные взгляду двухэтажные дома утопали в зелени садов, он лишь заметил:

– Красиво. На Земле уже давно нет ничего подобного.

* * *

Земля. За год до изложенных выше событий...

В кабинете Майлера фон Брауна царил полумрак.

Шторы на окнах были плотно задернуты, панели потолка едва светились, создавая ровный мягкий сумрак без теней и темных углов.

За старомодным Т-образным столом сидел, сцепив руки в замок, семидесятилетний старик.

Майлер избегал смотреть на себя в зеркало. Несмотря на успехи медицины, которая, по выражению Дейвида Мошера, могла омолодить и поставить на ноги даже труп (главное, чтобы он не успел окоченеть, посмеивался старый циник), фон Браун выглядел отвратительно.

Нервы. Три десятилетия он единолично правил мощнейшей корпорацией Евросоюза, вкладывая в нее в первую очередь свою железную волю, а уж во вторую – деньги. Финансовые вливания и личные качества Майлера помогли аэрокосмической компании, балансировавшей на грани банкротства, стать государством в государстве со своими корпоративными законами, силами безопасности (здесь губ старика коснулась легкая усмешка – он лучше других знал,

что под обтекаемой формулировкой скрывается частная армия, включающая в себя и флот космического базирования).

Майлер не являлся потомственным фон Брауном – он принял разорившуюся на колониальном проекте компанию из рук своей жены Кейтлин, правнучки знаменитого Дитриха.

Впрочем, не в этом суть. Он поднял корпорацию с колен, после того как Кейтлин умудрилась не только вбухать все активы в строительство никому не нужного колониального транспорта, но еще и нажить толпу кредиторов, которые грозили попросту уничтожить нового председателя совета директоров вполне обоснованными требованиями финансовой сатисфакции.

Он старался удовлетворить всех: кому-то платил, иные получали пулю наемного убийцы, третьи соглашались реструктуризировать долги, принимая долевое участие в новом проекте «Фон Брауна», где основная ставка была сделана на освоение безжизненных марсианских пустынь.

Три десятилетия назад Майлер верно угадал перспективное направление развития, и пока Евросоюз, втянутый в астероидный кризис, вел ожесточенную борьбу за ресурсы с молодыми, наглыми и напористыми промышленными группами Новой Азии, он начал скупать по бросовым ценам бесплодные марсианские территории вместе с законсервированной на Красной планете техникой терраформирования. Евросоюз, погрязший в войне с азиатами, попросту не мог развивать колониальный проект, а когда ресурсы астероидного пояса были наконец поделены между сторонами, претендующими на их разработку, оказалось, что сектор освоения Марса, ранее принадлежавший Европейскому союзу, теперь на девяносто процентов перешел в собственность корпорации «Дитрих фон Браун» со всей техникой терраформирования, установками атмосферных процессоров и прочим оборудованием.

Освоение Красной планеты получило новый мощный импульс. Никто не мог предположить, что частная компания способна в корне изменить колониальную политику, превратив сложные циклы терраформирования в доходный бизнес.

Как гласит древняя мудрость, все гениальное просто. В отличие от господствующих мировых держав, корпорация «Фон Браун» не стремилась к реализации проектов массового переселения. Майлер сумел добиться качественных перемен – он создал сеть элитных марсианских поселений, предназначенных для избранных.

Многолетняя, многотрудная борьба, постоянное скольжение по синусоиде взлетов и падений, напряжение будней, не отпускавшее ни на минуту, жизнь, сжатая субъективной памятью в краткий миг бытия, и вот он стоит на вершине своего успеха – старик телом и душой, наделенный почти безграничной властью денег, а впереди – лишь пугающая пустота равнодушия, граничащего с отворачиванием к жизни.

В отчаянной борьбе он сумел совершить невозможное, но пропустил тот миг, когда начала обугливаться и сгорать душа, оставляя после себя пустую, одряхлевшую телесную оболочку.

Мысли фон Брауна не имели ничего общего с психическим недомоганием или старческим маразмом – он рассуждал так же твердо и логично, как прежде, но из его жизни ушел азарт, и сумрак огромного кабинета наиболее полно отражал внутреннее состояние Майлера.

Он размышлял, относясь к себе столь же беспощадно, как к врагам и конкурентам, не делая поблажек собственному «я». Привычка трезво оценивать события, делать очевидные выводы из твердых фактов внезапно указала ему на пропасть, которая со всех сторон окружала покоренную вершину. Шаг в сторону означал падение, он слишком долго и тщательно возводил пирамиду собственного успеха, без жалости и угрызений совести бросая в ее основание судьбы и жизни многих людей.

Майлер едва слышно вздохнул, потянувшись рукой к сенсорной панели управления компьютерным комплексом.

Очередная сводка из колонии.

Он бегло просмотрел тексты сообщений, отобранных и систематизированных для него кибернетической системой логической обработки данных.

Среди суточных отчетов, касающихся незначительных изменений в миграционной и общеполитической обстановке на Марсе, его внимание привлекло сообщение, которого он ждал вот уже несколько лет.

По оперативным данным, полученным из агентурных источников, в лабораториях концерна «Новая Азия» произведен тестовый запуск локальной сети, функционирующей на основе элементов, внедряемых в структуру кибернетических механизмов андроида типа.

Внешне безобидное сообщение технического плана на самом деле таило в себе глубокий смысл.

Концерн «Новая Азия» являлся монополистом марсианского рынка робототехники. Кибернетическими механизмами, произведенными на заводах Новой Азии, были в буквальном смысле переполнены все без исключения сектора освоения Марса. О том, что азиаты оснащают своих роботов дополнительными модулями, не задекларированными ни в одной технической спецификации, Майлер знал давно. Специалисты «Фон Брауна» раскрыли это ухищрение еще полтора десятилетия назад. Служба внутренней безопасности корпорации сделала свои, далеко идущие выводы, и на стол Майлеру лег отчет, где недвусмысленно говорилось о вероятности, использования бытовых человекоподобных машин в качестве ударной силы при возникновении вооруженного конфликта. По сути, концерн, внедряя в свою продукцию тщательно скрытые сетевые модули, при посредничестве которых стандартное программное обеспечение кибермеханизмов могло быть в одночасье заменено на радикально иной софт, формировал «пятую колонну», способную решить любой конфликт в пользу своих производителей.

Осознав угрозу и тщательно проанализировав ситуацию, фон Браун не стал оглашать сделанное открытие и не отказался от закупок кибернетических механизмов. Майлер прекрасно осознавал, что тотальное включение дремлющей до поры сети может быть осуществлено лишь однажды, в том случае если руководство концерна придет к решению о необходимости вторжения в смежные сектора освоения Марса.

При таком развитии событий азиатов ждал неприятный сюрприз. Вся продукция концерна, закупаемая фон Брауном, проходила техническое переосвидетельствование, скрытые компоненты при этом не изымались, но в дополнение к ним устанавливались собственные программные модули, разработанные в лабораториях корпорации. После упомянутой операции любой кибермеханизм, получив сигнал по каналам скрытых сетевых устройств, автоматически прерывал связь с производителями, активируя программы, заложенные в него в лабораториях «Фон Брауна».

По сути, такой технический ход превращал скрытые сетевые устройства в обыкновенный переключатель, который не только предупреждал о начале агрессии, но и запускал систему противодействия, заставляя механизмы защищать территорию корпорации от любых посягательств извне.

Тот факт, что в колонии рано или поздно вспыхнет вооруженный конфликт, не вызывал у Майлера никаких сомнений. Как сказано – он был прагматиком и не мог строить каких-то иллюзий относительно методов, которых придерживался конкурирующий концерн при освоении ресурсов дальнего Внеземья. Эти методы однажды уже были продемонстрированы мировому сообществу во время астероидного кризиса.

* * *

По глубокому убеждению Майлера, глава семьи Ляо, досточтимый Цинь Хуань, объявленный на Земле персоной нон грата и заочно приговоренный судом Евросоюза к пожизненному заключению, прекрасно чувствовал себя на Марсе.

Его генеалогическое древо уходило своими корнями в эпоху коммунистического Китая, к лидерам научно-политической революции, замешенной на крутой волне патриотизма рядовых граждан, которые к середине двадцать первого столетия всемерно поддерживали курс руководства страны на противостояние с Соединенными Штатами Америки и скорейший прорыв в космос.

Цинь Хуань был чем-то похож на Майлера фон Брауна, он обладал такой же железной волей, трезвым рассудком, к тому же хорошо знал историю и понимал, что сегодняшнее положение дел в колонии является прямым наследием той эпохи, когда космос стал прерогативным направлением развития для многих стран мира. Стремительный прогресс новейших технологий вкупе с ресурсами огромной страны позволяли его предкам проводить спланированную политику освоения космического пространства, пресекая настойчивые попытки третьих стран вмешаться в ход процесса.

Ни для кого не секрет, что к началу двадцать первого века режим Китая все еще оставался тоталитарным, несмотря на сильное давление со стороны мировых демократий. Всем поползновениям внешних идеологических врагов давал жесткий отпор культивирующийся в массах патриотизм, и потому главной разрушительной силой, в конечном итоге подточившей устой тоталитаризма, стало не политическое давление, а обратный эффект «экономического чуда».

Империя понемногу разлагалась под влиянием законов бизнеса – на протяжении столетия руководящая верхушка постепенно превращалась в группу крупных предпринимателей, которым принадлежало девяносто процентов всех технологических мощностей обновленной Китайской Республики.

Новые поколения, неизбежно приходящие на смену старым, уже не так прочно держались за призрачные идеалы – скорее прагматики, чем амбициозные политики, они полностью признали власть денег, но не позволяли империи рухнуть, демонстрируя всему миру очередного колосса на глиняных ногах.

Сохранить и даже приумножить территорию великого азиатского государства помог здравый смысл молодых, энергичных и не отягченных принципами той или иной политической системы наследников первых лиц правившей партии.

Не желая разрушать созданное предками и дробить Поднебесную на множество мелких территорий, они сумели договориться между собой, провозгласив еще один этап новой экономической политики, по сути, разделив сферы влияния между семейными кланами, контролирующими различные области промышленности.

Семья Ляо получила в свое ведение космическую программу, одно из наиболее дорогостоящих и перспективных направлений развития.

На протяжении последующих столетий клан Ляо постепенно выделился среди других, осуществив несколько грандиозных проектов по освоению ресурсов пояса астероидов, колонизации Марса и добыче полезных ископаемых на Луне.

Финансовая прибыль, получаемая от долгосрочных программ, породила закономерную, но отнюдь не новую в мировой практике ситуацию: группа лиц, связанных родственными узами и общими экономическими интересами, контролировала все космические программы, безраздельно властвуя за пределами земной атмосферы, в то же время де-юре оставаясь неотъемлемой частью государства, с которым не могли не считаться мировые политические силы.

Как показала практика, дальний космос быстро ставит под сомнение законы, разработанные для земных условий сосуществования наций. Внеземелье стало вотчиной крупного бизнеса, и нетрудно представить, что вне радиуса лунной орбиты, на удалении в семьдесят, а то и в сто пятьдесят миллионов километров от метрополии, в полную силу начинал работать закон джунглей...

Евросоюз первым испытал на себе давление со стороны азиатских промышленных групп и попытался активно противостоять процессу монополизации ресурсов пояса астероидов, однако это привело лишь к жесточайшим столкновениям между новоазиатами и европейцами – в зоне дальнего космоса.

Концерн выдержал прямое вооруженное столкновение и, возможно, вышел бы победителем из астероидного кризиса, не соверши азиаты роковой ошибки, которая уже не раз на протяжении истории развития человечества останавливала далеко идущие планы мирового господства, вынашиваемые отдельными нациями или их особо обнаглевшими представителями. Силы Ляо в ходе затянувшегося противостояния с Евросоюзом имели глупость совершить несколько рейдов в зону дислокации российских рудодобывающих комплексов.

В результате этой роковой ошибки Семья у победной черты была жестко остановлена Военно-космическими силами России.

В поясе астероидов был наведен относительный порядок, а Цинь Хуань вынужденно перебазировался на Марс, где его не могли настичь самые упорные преследователи.

Война в космосе обескровила Евросоюз до такой степени, что программу освоения колонии пришлось отдать на откуп крупному бизнесу – так в европейском секторе Красной планеты прочно обосновалась корпорация «Дитрих фон Браун», что до определенного момента вполне устраивало руководителей концерна «Новая Азия».

Теперь ситуация вновь приближалась к опасной черте, но баланс сил за истекшие десятилетия значительно изменился, причем далеко не в лучшую сторону, если рассматривать его с точки зрения клана Ляо.

Потеряв в поясе астероидов большую часть космической техники, концерн не сумел восполнить утраченное. Зато на Марсе дела шли в гору, заводы по выпуску робототехники функционировали на пределе мощностей, обеспечивая постоянно возрастающие потребности колонии, и в этой связи Цинь Хуань все чаще задумывался – насколько оправданны его попытки восстановить позиции в поясе астероидов, учитывая, что Марс также богат полезными ископаемыми, а главное – сюда не распространяется власть его земных недругов и гонителей.

Здесь перед главой Семьи вставал один весьма болезненный вопрос: пока концерн зализывал раны, полученные в поясе астероидов, молодой и энергичный Майлер фон Браун сумел создать собственную империю, полностью монополизировав европейский сектор освоения. Под контролем его корпорации оказалась не только прибыльная торговля терраформированными территориями, но и подавляющая часть перспективных месторождений естественных ресурсов планеты.

Имея такого конкурента, концерн оказался загнанным в узкие рамки отведенной ему роли – снабжать колонию всеми видами кибернетических механизмов, находясь при этом в жесткой зависимости от встречных поставок корпорации, снабжавших производства сырьевыми ресурсами.

Ляо не устраивало такое положение вещей, он, успев осознать все преимущества обособленности Марса, тайне мечтал о полной, неограниченной власти над освоенными территориями планеты.

Некоторые шаги в этом направлении уже были сделаны.

* * *

Двух человек разделяла бездна космического пространства, но они ясно представляли себе друг друга.

Майлер, размышляя над полученным сообщением, не выдержав, закурил.

Сизый сладковатый дым прихотливыми змейками начал расплзаться по кабинету, смешиваясь с сумраком.

События, назревающие в колонии, уже не подстегивали нервную систему, а лишь усугубляли ощущение моральной пустоты и усталости. Нет, он вовсе не выдохся в этой борьбе, но в определенный момент из действий фон Брауна начал уходить азарт и постепенно наступило равнодушие, с которым было все труднее и труднее бороться.

По сути, в перспективе виделось два выхода: он мог прямо сейчас коснуться сенсора мобильного коммуникатора, и к его услугам тут же окажутся лучшие специалисты по биоэтике, каждый с мировым именем и астрономическими гонорарами. Они умели совершать чудеса, и через месяц–другой мир увидит помолодевшего Майлера, крепкого телом, но...

Здесь мысль останавливалась, будто перед внутренним взором вставала черная, непреодолимая стена.

Кто вернет ему душу? В чем найдет смысл жизни молодая телесная оболочка с заключенным в ней разумом старика? Он достиг всех мыслимых вершин, и карабкаться дальше, прибавить еще пару миллиардов к своему состоянию не казалось ему достойной целью, тем более что с определенных пор капитал корпорации прирастал автоматически, сообразуясь с законами современного рынка и математическими прогрессиями удачных инвестиций.

«Любовь?..» – проскользнула на границе сознания шальная мысль, уводящая в сторону от сиюсекундных проблем.

Он уже почти не помнил, что это за чувство. Майлер всю жизнь *использовал* людей, и подобную привычку теперь не сломишь, да и не мог он позволить себе размениваться на любовные отношения – молодой или старый, он все равно оставался на том возжеланном, но уже мысленно проклятом пятачке недостижимой для других *вершины*, где нельзя совершать резкие, необдуманные телодвижения.

Конечно, существовал еще путь бегства.

Он мог отойти от дел, пройти курс интенсивной генетической терапии и исчезнуть, раствориться, улететь на Марс, как делали это тысячи клиентов «Фон Брауна», – поселиться в собственном доме, окруженном невыразимо прекрасной лесопарковой зоной, спрятаться за табличкой с надписью «Private» и...

Он поперхнулся дымом и с раздражением погасил окурочек в золоченой пепельнице.

Майлер всего дважды бывал на Марсе, но это не мешало ему со всей отчетливостью представлять существующее положение вещей.

Четыре сектора освоения Красной планеты, изначально расположенные вдалеке друг от друга, в последние годы значительно сблизились, обрели общие границы, вползая длинными, узкими клиньями в пространство предгорий. Марс – не Земля, в колонии царят иные законы, знаки и акценты там расставляются совсем по-другому... Американский сектор освоения постепенно мельчал пропорционально тому, как правительство Объединенной Америки теряло интерес к колониальной программе. Русские не делали резких шагов в освоении новых земель – они вели грамотно спланированную перспективную политику, рассчитанную на массовое заселение терраформированных территорий, когда знаменитые российские просторы станут тесны для нации. Пока ничего подобного не происходило, и вряд ли подобное переселение будет осуществлено в ближайшее десятилетие, но Российский сектор освоения

успешно развивался, к тому же русские обладали мощным космическим флотом, гарантирующим неприкосновенность существующих границ колониального владения.

Майлер привык рассматривать Россию как надежный буфер, предохраняющий частные владения клиентов «Фон Брауна» от наглых, напористых и плодовитых азиатов. Политика концерна «Новая Азия», проводимая на Марсе, мало чем отличалась от земной, за некоторым исключением – в колонии азиатов сдерживали три фактора: отсутствие мощного космического флота, прямое соседство России и частная армия корпорации, способная дать отпор любым поползновениям стремительно развивающихся «соседей».

Фон Браун прикурил новую сигарету, продолжая мысленный диалог с самим собой.

Что случится, если он решит отойти от дел?

Конечно, мир от этого не рухнет, но у него не было прямого наследника, такого же трезвомыслящего и решительного, как он сам. Этот факт приводил к неизбежному выводу – совет директоров корпорации не сможет избежать внутренних разногласий, и скрытая закулисная борьба примет откровенную, открытую форму. Это будет сказываться постепенно, но последствия интриг и амбиций в конечном итоге окажут разрушительное воздействие – так вода точит самые твердые породы камня, постепенно разрушая неколебимые на первый взгляд скалы...

Майлер понимал, что не сможет полностью отрешиться от дела всей своей жизни, спрятавшись в тихой усадьбе на терраформированных равнинах колонии. Ему будет невыносимо жить, наблюдая, как медленно разваливается созданная им структура, теряя целостность, распадаясь на отдельные бизнес-проекты, что в конечном итоге приведет к удручающему финалу: сектор освоения корпорации будет в буквальном смысле разорван на части, изменятся принципы, в колонию начнут проникать не респектабельные граждане Земли, решившие удалиться от дел и провести остаток жизни в тишине и покое, а разного рода шваль, имеющая деньги, но еще не набившая себе шишек на лбу, с которыми приходит изрядная доля взвешенности и жизненного опыта.

«Все полетит в пропасть, и я стану свидетелем катастрофического развала корпорации. – Внутренний вывод Майлера был, как всегда, сжат и категоричен. – Не знаю, как поведут себя русские, но азиаты не преминут воспользоваться случаем, – пояс астероидов ничему не научил их, лишь показал всему миру, с какой жадностью и легкостью они идут на откровенный захват чужих ресурсов...»

Взгляд на только что полученное электронное сообщение лишь подтвердил справедливость последних выводов. Испытания, проведенные в кибернетических лабораториях концерна, – это первая ласточка, предвестник скорых событий, и, улетев в колонию, он рисковал оказаться в эпицентре скоротечной войны.

Если корпорация не нанесет упреждающий удар, клан Ляо может рассчитывать на успех, подсказывало Майлеру внутреннее чутье.

«Марс – не Земля...» – вновь мысленно повторил он. Семьдесят с лишним миллионов километров, разделяющих два мира, способны развязать руки кому угодно. Что может противопоставить метрополия внезапно вспыхнувшему территориальному конфликту в колонии? Пару боевых крейсеров? Но они не станут подвергать Марс орбитальным ударам – такая вопиющая глупость не придет в голову ни одному из самых тупоголовых политиков или военных, а десантные подразделения, базирующиеся на борту космических кораблей, едва ли наберут две-три сотни бойцов, при условии объединения усилий всех мировых держав. По сравнению с сегодняшним населением Марса это даже не горстка – меньше. Никто не сможет радикально повлиять на ситуацию. Как только в целостности «Фон Брауна» возникнет хотя бы одна трещина, извечные конкуренты не упустят шанс – они, вероятнее всего, не рискнут тронуть Россию, но тесное соприкосновение секторов в передовой зоне освоения позволит им осуществить вторжение на земли «Фон Брауна», минуя русских. Здесь, на Земле, конечно, поднимется солидный шум, полетят ноты протеста, но кто рискнет развязать третью мировую войну

из-за передела собственности в колонии, ведь речь пойдет не о вторжении на территорию суверенного государства, – аннексии подвергнутся земли корпорации, которая многих попросту раздражает своей нарастающей мощью.

«Выходит, „Фон Браун“ – это колосс на глиняных ногах?» – невольно задал себе мысленный вопрос Майлер и тут же ответил на него: – Ничего не произойдет, пока моя воля скрепляет отдельные структуры, нивелирует амбиции подчиненных и не дает поднимать головы крупным акционерам. Но если я уйду, не оставив преемника, все рухнет».

А как хотелось уйти...

Цели достигнуты, сосущая пустота грядущего уже прочно поселилась в груди, и нет способа повернуть вспять безжалостное время, снова стать юным и дерзким, опять почувствовать резкий солоноватый вкус крови на треснувших губах, втянуть трепещущими расширенными ноздрями тонкий аромат горячего металла с примесью ионизированного воздуха и режущего нервы запаха отработанных пороховых газов...

Майлер погасил сигарету, повернулся вместе с креслом, намереваясь встать, и вдруг его взгляд остановился на карте марсианских полушарий, по которым, тесно смыкаясь в одной точке, тянулись постепенно сужающиеся клинья трех секторов освоения.

Сектор «Фон Брауна» светился красноватым фоном, позади лежало серое пятно американских земель, параллельно красному клину вытянулся зеленый – это русские, и, наконец, впритык к зеленоватому фону растеклось бесформенное желтое пятно – земли концерна «Новая Азия». На карте присутствовали сотни различных значков, обозначающих не только населенные пункты, но и промышленные объекты, – в колонии к сегодняшнему дню имела развитая промышленная база, разделенная по специализациям, – «Фон Браун» лидировал в добыче полезных ископаемых и производстве тяжелой планетопреобразующей техники, российские ученые и немногочисленные поселенцы занимались в основном аграрными экспериментами, причем настолько успешно, что обеспечивали продовольствием фактически все население колонии, концерн «Новая Азия» исторически лидировал в сфере высоких технологий и серийного производства кибернетических механизмов, ну а на территории американского сектора до сих пор сохранилось множество мини-заводов самого различного профиля, оставшихся со времен серьезных колониальных амбиций американского правительства, которое заявляло, что сделает национальный сектор освоения полностью самодостаточным.

Сейчас, судя по обилию и разнообразию значков, обозначающих те или иные инфраструктуры, на уровень самодостаточности вышла вся колония в целом, при условии объединения, централизованного использования и перераспределения ресурсов.

На миг зрение Майлера смазлось, он вдруг увидел, что вся территория терраформированных земель от края до края покрыта сочно-красным цветом.

Секундный мираж породил дерзкую молниеносную мысль, которая, в свете здравого смысла, граничила с обыкновенным безумием, и разум машинально отторг ее, отнеся к ряду опасных афер...

Майлер на миг закрыл глаза, пытаясь избавиться от внезапного морока, но сумрак, до сих пор окружавший его разум, отражающий состояние рассудка, самым неожиданным и неестественным путем вдруг принял знакомый багряный оттенок.

«Я, видно, сошел с ума...» – подумал Майлер и вдруг услышал собственный голос, прозвучавший со знакомой иронией: – А может быть, ты нашел ответ на вопрос о смысле дальнейшей жизни?..»

Глава 2

30 мая 2415 года. Марс. Сектор освоения корпорации «Дитрих фон Браун»...

В пятистах километрах от космопорта «Южный», по магистрали, ведущей в направлении горного хребта, бесшумно скользил темно-серый «Дэйш-700». Машины представительского класса на Марсе можно было сосчитать по пальцам. Низкая посадка, обтекаемые формы, мутный глянец тонировки на стеклах – все это резко диссонировало с обычной колониальной техникой, где основными средствами передвижения, как правило, являлись непритязательные к внешнему виду, но мощные, надежные в эксплуатации вездеходы-внедорожники, выпускаемые местной промышленностью.

«Дэйш» держал скорость около двухсот километров в час, почти бесшумно пожирая пространство. Слышался лишь мягкий шелест широких покрышек по влажному асфальтобетону да невнятно посвистывал встречный воздушный поток, покорно проскальзывая под антикрылом в вихрящуюся зону турбулентности.

По этой дороге давно никто не ездил, и вслед машине закручивало редкий мусор.

Внутри салона вообще не ощущалось движения.

На месте водителя восседал андроид – человекоподобная модель кибернетического механизма. В отличие от управляемого им автомобиля, дройд был старым, его конструкция, не включающая элементарной оболочки из пеноплоты, несла минимум эстетики. Впрочем, Марка Келли, главу колониальной службы безопасности корпорации «Фон Браун», комфортно устроившегося на заднем сиденье, этот факт нисколько не смущал. Дройд являлся его собственностью вот уже полтора десятилетия, пара искусно заделанных пулевых отверстий вкупе с глубокими царапинами, покрывающими кожу механического создания, немо свидетельствовали о его «бурной молодости» – это сейчас пальцевые разъемы «PQ-920»-го были соединены с панелью управления дорогой машины, но облик дройда почему-то наводил на мысль о высокой степени программной свободы, снимающей большинство запретов и ограничений, заложенных на заводе-изготовителе. По крайней мере, нестандартные для бытовой машины крепления силовой кобуры с торчащей наружу пистолетной рукояткой стазарядного «скорпиона» указывали на значительные видоизменения базовых программ.

Его хозяин выглядел не так колоритно. Если бы не ранняя проседь в коротко стриженных волосах, то Марку можно было бы дать лет тридцать, не больше. Ему и на самом деле недавно исполнилось двадцать семь, но резко очерченные скулы, холодные глаза и плотная, упрямая линия губ делали его старше своего возраста. Поверх черной облегающей полевой формы со знаками различия капитана военно-космических сил Европейского союза на плечи Келли было накинуто такого же цвета пальто, столь же дорогое, как машина, в которой он ехал.

Странная смесь индивидуальности с минимальной данью официальному положению – в этом был весь Келли, о котором говорили, что он единственный человек в колонии, кому плевать на моды, протоколы, традиции либо запреты.

Он сидел, задумчиво глядя, как стремительно стелется дорожное полотно под колеса машины, пока впереди не показались знакомые с детства ориентиры.

– Останови тут.

«Дэйш» притормозил и плавно ушел к обочине.

Тихо чавкнул пневматический уплотнитель пассажирской двери, наружу пахло кондиционированным сумраком роскошного салона. Марк прошел с десятков метров по потрескав-

шемуся от времени асфальтобетону и остановился подле накренившегося бетонного ограждения, глядя в хмурую туманную даль.

Накрапывал мелкий морсящий дождь. Покосившиеся секции периметра, поваленные взрывной волной, тянулись по обе стороны дорожной насыпи, въезд в запретную зону символически обозначали старые, массивные ворота, хранящие следы былой трагедии: один многотонный створ плашмя лежал на земле, а другой, выпученный ударом невероятной мощи, все еще держался в деформированной раме.

Сразу за воротами начиналась обширная площадка, на которой когда-то был расположен контрольно-пропускной пункт. Теперь от него осталась лишь груда обломков, спекшаяся в стекловидную массу.

Келли закрыл глаза.

Он часто приезжал сюда, к границе запретной зоны, особенно в последнее время: после двадцатилетнего забвения к заброшенным землям вновь начал проявлять внимание плановый отдел корпорации, а значит, вскоре здесь появится тяжелая техника, предназначенная для вторичного терраформирования.

Перед плотно зажмуренными веками плавали разноцветные искры, образы прошлого не желали покидать глубины памяти, и Марк впервые за много лет задал себе мысленный вопрос: «Зачем я приезжаю сюда?»

Расхожая поговорка гласит, что время лечит любые раны.

Может, он не такой, как все? Или травмированная память семилетнего мальчика столь глубока, что не подпадает под общепринятые нормы?

На фоне искрящейся черноты медленно начали проступать образы...

Он увидел лес: аккуратные, причесанные под исполинскую гребенку ряды хвойных деревьев, одинаковых, будто клонированные с одного образца, двухэтажное здание КПП перед массивными, плотно сомкнутыми воротами, а в полукилометре от пропускного пункта съехавшую в обочину машину, из которой, зайдясь в беззвучном крике, судорожно выбирается семилетней мальчуган...

Воспоминания начали обретать недвусмысленную материальность, сознание проваливалось в глубины памяти, выталкивая в сознание не только зрительные образы, но и звуки, запахи...

Келли мог открыть глаза, волевым усилием порвать тонкую нить кошмара, но не стал это делать, лишь вздрогнул, когда воспаленный рассудок окончательно канул *туда*...

...Он с трудом выкарабкался наружу через разбившееся ветровое стекло и, находясь во власти шока, побежал к приземистому зданию.

Резко распахнулась дверь, и навстречу ему выскочил офицер.

Из горла мальчика вырвался сиплый крик. Он вдруг остановился, с неистовой мольбой и надеждой глядя на взрослого, а разбитые в кровь губы кричали:

– Мама! Там мама!.. Дяденька, помогите ей!..

Офицер рванулся было вперед к перевернувшейся машине, но его остановила тоновая трель вызова коммуникатора.

– Да? – отрывисто ответил он, доставая устройство мобильной связи, и вдруг его лицо стало серым, как скверная оберточная бумага.

– Что?! – машинально переспросил он у незримого абонента, потом уронил коммуникатор, обернулся, успев бросить полный ужаса взгляд в сторону горизонта, и вдруг, цепко схватив мальчишку, ринулся назад.

– Мама! – извиваясь в его объятиях, орал Марк, но офицер не обращал внимания ни на крик, ни на судорожные попытки вырваться – он бежал к воротам, которые, подчиняясь сигналу с миниатюрного пульта ручного управления, дрогнули и стали медленно открываться.

Между створами уже обозначился полуметровый зазор, когда офицер добежал до них. Бьющийся в его объятиях мальчуган не понимал происходящего – он помнил лишь ослепительную вспышку, блеснувшую за сотни километров от их дома, перепуганное лицо матери, тяжкий грохот, который обрушился со всех сторон, кроша стекла, сотрясая стены зданий и поднимая шквалистый ветер... Потом его сознание запечатлело серое покрытие дороги, несущееся под колеса машины, бледное, напряженное лицо матери, покрывающееся отвратительными водянистыми пузырями, – ему было страшно, он не понимал, что творится вокруг, отчего привычный мир вдруг превратился в кошмарный сон?... Затем машину неожиданно занесло, – ослабевшие руки женщины не справились с управлением, и дорога, лес, небо – все начало медленно переворачиваться...

– ...Беги! – неистово закричал офицер, вталкивая дрожащее тельце в узкую щель между многотонными створами, а сам замешкался ровно на секунду.

Марку повезло. Он не устоял на ногах, упал на мокрый асфальтобетон, зарывав от страха и горькой детской обиды...

В следующий миг окрестности затопил СВЕТ...

...Келли открыл глаза, невольно посмотрев себе под ноги.

Вот тут лежал он, и полуметровая толща бронированных ворот закрыла ребенка от смертоносного воздействия проникающей радиации, а ударная волна ядерного взрыва лишь выпучила размягчившийся металл многотонного створа...

Если обойти ворота и взглянуть на устоявшую в вертикальном положении половинку, то среди потеков расплавившегося керамлита можно разглядеть призрачный контур человеческой фигуры.

Тень, смутно прорисованная в оплавленном металле, – вот все, что осталось от спасшего его офицера.

Келли никогда не привозил сюда цветы.

Это казалось ему кощунством. Он был одним из немногих, кто пережил взрыв атмосферных процессоров, но спустя годы память не истерлась, боль не притупилась, а стала острее, жестче, она освещала душу, как та неистовая вспышка света, потому что теперь он многое узнал, понял...

Ради этого стоило пройти нелегкий путь длиною в двадцать лет, претерпеть лишения, научиться смотреть на жизнь с безжалостным, граничащим с цинизмом *пониманием*.

Этот путь превратил скорчившегося в луже мальчугана в Марка Келли – коренного марсианина, воспитанника корпорации, прошедшего всю иерархическую лестницу от рядового охранника до начальника службы безопасности сектора «Фон Браун».

Да, двадцать лет назад у него не было выбора, жизнь навязала ему определенные правила игры, и он придерживался их многие годы. Теперь все изменилось, но стало ли от этого легче? Нет.

Келли взглянул на чахлый, хаотично проросший лес и молча пошел назад к машине.

Приглушенно хлопнула дверь, неслышно заработал двигатель, и роскошный «Дэйш» тронулся с места, разворачиваясь на старой дороге.

– На южное КПП, – распорядился Келли, взяв в руки тонкий компьютерный планшет. Легкое прикосновение пальца к сканирующему окошку активировало прибор, одновременно подтвердив полномочия пользователя, и на плоском экране проявился текст:

Из архива новостей независимого ежемесячного обозрения
«Внеземелье».

Май–июль 2395 года.

...Комиссии по расследованию не удалось установить точную причину взрыва на девятой марсианской станции переработки атмосферы, находящейся в секторе освоения концерна «Новая Азия». Независимые

эксперты ставят под сомнение вывод о локальном землетрясении, разрушившем систему защиты реактора. На данном участке освоенных марсианских территорий не фиксировалось сейсмической активности, и подземные толчки, по мнению специалистов, не могли послужить ни первопричиной, ни катализатором техногенной катастрофы, едва не перечеркнувшей многовековые усилия по терраформированию Красной планеты.

На фоне потрясших колонию событий в информационной тени оказались недавние проблемы корпорации «Дитрих фон Браун». Напомним, что за полгода до взрыва атмосферного процессора серия поломок буквально захлестнула промышленный район, где располагались рудо-перерабатывающие комплексы корпорации.

Стоит отметить, что проблемная зона корпорации, откуда на протяжении последних месяцев поступали противоречивые слухи о массовых отказах кибернетических механизмов и систем автоматического управления, теперь превращена в радиоактивную пустошь...

Это письмо пришло сегодня утром по электронной почте. Выдержка из ежемесячного обзора двадцатилетней давности не сопровождалась какими-либо пояснениями, автор послания, несмотря на строгую процедуру проверки всех входящих в корпоративную сеть сообщений, сумел сохранить полное инкогнито, и Марк вдруг почувствовал, что *его толкнули*. Иначе это ощущение не назовешь – кто-то дернул за ниточку, потревожив его память, заставив совершить несвойственный Келли поступок: резко поменять утренние планы и поехать сюда...

– Останови.

«Дэйш» уже шел на приличной скорости, и Келли ощутимо толкнуло вперед, когда машина резко покачнулась на магнитных подвесках и застыла.

– На место пассажира, – коротко приказал Марк андроиду. – Подключись к центральной базе данных корпорации.

Андроид молча повиновался.

Келли вышел из машины и пересел в водительское кресло. Застегнув страховочные ремни, он плавно возобновил движение, включив частичные функции автопилота. Заработавшие лазерные дальнометы моргнули точечными искрами индикаторов, и «Дэйш» вновь начал набирать скорость, ни на миллиметр не отклоняясь от четкой разделительной полосы автобана, по которой скользило алое пятнышко лазерного луча.

Келли посмотрел на часы.

До встречи, назначенной на полдень, оставалось еще сорок минут.

– Я жду инструкций, Марк, – напомнил о своем существовании андроид. Он занял переднее кресло пассажира и погрузил тонкие шунты жестких компьютерных интерфейсов в соответствующие разъемы на приборной панели.

Келли полуобернулся, взял с заднего сиденья электронный планшет органайзера, коснулся сканера активации и передал прибор дроиду:

– Проанализируй.

Лаконичность фраз и обращение по имени, которое позволил себе дرويد в отношении хозяина, недвусмысленно говорили о полном взаимопонимании между человеком и роботом, более того, опытный психолог мог сделать далеко идущие выводы: Келли явно не страдал киберфобиями, для него не имел никакого значения выбитый на кожухах андроида серийный номер – он одухотворял кибернетический механизм, обращаясь к нему как к равному, возможно, у андроида имелось даже собственное имя.

Любопытный образец отношений.

Дорога стремительной серой лентой стелилась под колеса мощной машины, плавное ускорение ощущалось легкой перегрузкой, и Марк поймал себя на том, что продолжает увеличивать скорость, хотя индикатор на электронном спидометре уже вплотную приблизился к красной ограничительной отметке.

Келли заставил себя расслабиться.

Он уже понял, что отправитель письма рассчитывал на определенную реакцию и, похоже, добился некоего результата. Видеть начальника службы безопасности неуравновешенным – это уже стоило многого.

Укол в подсознание, пробивший обычную невозмутимость Марка, был точно направлен в недремлющий участок травматической памяти. Такие письма не приходят по ошибке или злему озорству. Он кожей ощущал угрозу, но из-за отсутствия комментариев в тексте не мог понять: от кого она исходит и какие цели преследует неведомый отправитель?

Чего он хотел? Всего лишь нарушить утренние планы Марка? Увести его от обычных дел? Заставить сорваться с места и уехать из офиса?

«Нет. Слишком утонченный ход, – думал Марк. – Ближайшая встреча, имеющая важное значение, не сорвана, значит, цель данного послания состоит именно в том, чтобы нарушить душевное равновесие, освежить болезненный участок памяти».

– Что у тебя, Генри? – теряя обычное терпение, спросил Марк, одновременно сбрасывая скорость, чтобы не появиться на южном КПП раньше намеченного срока.

– Необходимые базы данных получены, – ответил Дройд, не поворачивая головы. – Идет логическая обработка информации.

Тонкая трель вызова нарушила воцарившуюся в салоне машины тишину. Марк коснулся сенсора, включая все опции автоматического пилотирования, и только после этого ответил на вызов:

– Слушаю, Келли.

– Сэр, докладывает оперативный дежурный. Минуту назад через двенадцатый контрольный пункт в сектор освоения прибыл некто Багиров Иннокентий Осипович, русский, археолог, до этого специализировавшийся на поиске древних земных цивилизаций.

Марк нахмурился. Что за бред? Какой еще археолог? Марс – неподходящее место для археологических изысканий – тут попросту *нечего исследовать*, разве что тонкий культурный слой, оставленный первыми поселенцами из числа людей, но кому это интересно? Наверное, дежурный ошибся, неправильно взаимосвязав профессию вновь прибывшего с целью его визита. Респектабельный археолог больше подходил на роль обыкновенного клиента корпорации.

– Внимательнее читайте контракт, – посоветовал Марк дежурному. – Он прибыл на поселение?

– Нет, сэр. Я тщательно изучил документы, прежде чем беспокоить вас. У него на руках трудовое соглашение, подписанное самим Майлером фон Брауном шесть месяцев назад.

– Точнее. Дата?

– Двадцать четвертое декабря две тысячи четыреста четырнадцатого года.

Келли напрягся.

За два дня до скоростной кончины Майлера фон Брауна...

– Подлинность проверили?

– Контракт подписан с применением записи генетического кода. Это прижизненная подпись главы корпорации. Сумма контракта составляет...

– Не имеет значения, – оборвал его Келли, пытаясь мысленно связать два экстраординарных события. – Меня интересует параграф трудового соглашения.

– Господин Багиров должен произвести археологические изыскания на неосвоенных территориях. Цель – поиск следов исчезнувшей марсианской цивилизации. Срок действия контракта ограничен шестью месяцами со дня прибытия.

Марк ненадолго задумался и, не придя к однозначному выводу, ответил:

– Хорошо, я понял. Пусть следует в зону карантина, разберусь с ним позже. Фридман извещен о его прибытии?

– Я решил сначала доложить вам, сэр.

– Продублируйте информацию для Дитриха Фридмана. Кстати, где сейчас управляющий?

– Его машина следует по семнадцатой трассе к южному КПП.

– Свяжитесь с ним. Заодно сообщите, что я на подходе, буду вовремя.

– Принято, сэр, исполняю.

Коммуникатор отключился.

Марк убрал прибор мобильной связи и, вновь взглянув на часы, припарковал машину к обочине. До встречи еще оставалось двадцать девять минут. Достаточно для короткого тайм-аута. Два экстраординарных события подряд, в преддверии далеко не легкой встречи заставляли задуматься.

– Генри... – Марк облокотился о руль, машинально коснувшись пальцем сенсора стеклоподъемника. – Ты закончил анализ информации?

На этот раз андроид повернул голову:

– Полного расклада еще нет, но некоторые выводы имеют девяностопроцентную степень достоверности. Тот, кто отправил тебе письмо, рассчитывал, что ты воспользуешься поисковым стандартом или не сделаешь даже этого...

– Не парь мне мозги... – грубовато произнес Марк, прикуривая сигарету. – Я знаком с твоими аналитическими способностями. Переходи к сути.

Вместо ответа на навигационном дисплее бортового компьютера машины, расположенном чуть выше рулевой колонки, появилась рельефная карта местности. Три станции переработки атмосферы, явившиеся двадцать лет назад источниками глобальной техногенной катастрофы, обозначились на ней алыми кружками.

– Я востребовал все базы данных, включая секретные файлы из архива корпорации. Твой уровень допуска позволил мне докопаться до любопытных сведений. – Для постороннего слуха термин «любопытных» прозвучал как фальшивая нота в синтезированном голосе машины, еще раз подтвердив, что данный кибернетический механизм резко отличается от своих типовых собратьев. Оставалось лишь понять: использование определенных терминов, отражающих свойства сугубо человеческого образа мышления, навязано ему хозяином для придания общению непринужденной формы или дройд обладает собственным пониманием семантической нагрузки некоторых слов?

Келли выпустил дым в приоткрытое окно. Его взгляд неосознанно отыскал на компьютерной карте крохотное изображение домика – еще один укол в самое сердце. Дорога, существующая и поныне, шла мимо агротехнической станции, где работала его мать, вливаясь, спустя полсотни километров, в центральную улицу строившегося в ту пору городка с полузабытым сейчас названием: Нью-Даймонд.

Станция переработки атмосферы, принадлежавшая корпорации, была расположена к северо-востоку от населенного пункта, дальше частой цепочкой столбиков компьютер отметил границу трех секторов освоения – к северу, сворачивая в долину, зажатую двумя невысокими горными хребтами, располагались территории концерна «Новая Азия», южнее зеленым фоном обозначались земли русских. Глядя на карту, Марк машинально отметил, что в этом регионе двадцать лет назад впервые тесно соприкоснулись три основные зоны освоения, и виной тому были горы.

– Включить моделирование событий?

Келли кивнул.

В долине у новоазиатов внезапно возникла ярчайшая вспышка, выбросившая в небо клубящийся грибовидный столб радиоактивного облака; взрывная волна, прорисованная компьютером, рванула по расширяющейся окружности, но на ее пути встали горные отроги, и тяжелая судорога отразилась от них, вернулась в долину, прошла тугим валом, вторично перемешивая обломки, коснулась тупика и покатила назад, к расширяющейся горловине рельефной ловушки.

Интервал между двумя ударными волнами составлял приблизительно пять–шесть секунд. Игрушечные домики Нью-Даймонда уже лежали в руинах, но станция переработки атмосферы устояла – из сложной конструкции она превратилась в треснувший снизу доверху усеченный конус, с которого смахнуло все пристройки, рассыпав их обломки ровным слоем бетонного щебня.

Вторичная ударная волна, отраженная от гор, прокатилась по улицам городка, ломая уцелевшие стены полуразрушенных домов, и достигла атмосферного процессора.

Келли смотрел на рельефную модель катастрофы, мысленно представляя, как мчится в этот момент по дороге их машина... Вот впереди показалось здание КПП, и мать, не справившись с управлением, в отчаянии вскрикнула...

...Игрушечное изображение атмосферного процессора корпорации вдруг начало пульсировать, и спустя сорок шесть секунд на анимированной компьютерной схеме вспух прозрачно-огненный пузырь ядерного взрыва.

Нестерпимый свет на миг затопил все вокруг в радиусе сотен километров, сжигая землю, превращая обломки домов в остекленевшие пригорки, а ровные ряды деревьев в пепел, который тут же подхватывали ураганные порывы обжигающего ветра.

Вал катастрофических изменений стер рельеф, видоизменив его до полной неузнаваемости, в радиусе двухсот километров от эпицентра не уцелело ничего рукотворного, лишь светящиеся, источающие жар скалы возвышались над покрытой прахом, безликой, нивелированной равниной, которая всего несколько минут назад была готовой к заселению терраформированной зоной...

Взгляд Келли невольно переместился к третьему атмосферному процессору, расположенному в Российском секторе освоения. Разрушительный удар двух ядерных взрывов расколол коническую конструкцию, разрушив саркофаг реактора, но шли секунды, из трещин под давлением вырывались облака пара, усеченная вершина конуса то и дело выбрасывала прозрачные языки пламени, но...

– Третьего взрыва не было, – вторгся в мысли Марка голос андроида.

Келли с трудом оторвал взгляд от компьютерной модели, которая вошла в режим повторного воспроизведения.

Дотлевший до пальцев окурок жег кожу, он выбросил его за окно и обернулся.

Дройд смотрел на хозяина немигающим взглядом.

– То, что ты увидел, технически необоснованно, – глубокомысленно изрек он.

– Не понял, – резко повернул голову Марк.

– Сеть атмосферных процессоров возведена двести лет назад. За период активной эксплуатации на станциях случались серьезные неполадки, но ни одна из имевших место нештатных ситуаций не привела к ядерному взрыву. Автоматическая система экстренного гашения активной зоны срабатывает за четыре секунды, полностью исключая вероятность возникновения неуправляемой цепной реакции.

Келли искоса посмотрел на схему, где в этот момент в режиме повтора рванул реактор новоазиатов.

– У любого правила есть исключения, – хмуро заметил он, шелкнув ногтем по анимированному изображению взрыва. – Как и у всех следствий, есть причина, их порождающая, – добавил Марк.

– Верно. Я проанализировал все доступные данные, характеризующие воздействие внешних факторов на момент, предшествующий первому взрыву. Интересная деталь: сейсмологическая станция корпорации за одну секунду до катастрофы зафиксировала легкий толчок. Его эпицентр расположен точно под реактором двенадцатой станции, принадлежащей концерну «Новая Азия». Импульс слишком слаб, а главное – нехарактерен для микроземлетрясения. Ничтожный по своей силе толчок обладает узкой направленностью, то есть его воздействие не распространяется во все стороны, как обычные колебания планетной коры.

– Ты подводишь меня к мысли о направленном взрыве? – Марк разминал в пальцах неприкуренную сигарету, что само по себе являлось признаком волнения.

Дройд вел себя совсем как человек. Он кивнул, выразительно взвизгнув сервомоторами, и добавил:

– Я успел создать ряд математических моделей, но лишь одна из них удовлетворила заданному следствию, включая запись с датчиков сейсмологической станции. – Он сменил изображение на мониторе бортового компьютера, и Келли увидел трехмерное изображение типового реактора, опутанного сложной структурой технических коммуникаций. – Два килограммовых заряда взрывчатки в эквиваленте таугермина, снабженные «рубашкой» направленного взрыва, должны быть расположены тут и тут, – на схеме появились две алые точки. – Их одновременная активация дает точную копию записи сейсмографов и неизбежно ведет к ядерному взрыву. Система защиты в данном случае несостоятельна – она опаздывает, несмотря на свое быстрое действие. Направленные взрывы выбивают штатные замедлители, а аварийные элементы, поглощающие избыток свободных нейтронов, входят в активную зону реактора с секундным опозданием, когда там уже начался лавинообразный процесс неуправляемой цепной реакции.

Келли все больше хмурился, мысленно оценивая комментарии дройда, но логика машины, подкрепленная математическим моделированием, спокойно выдерживала критический взгляд Марка.

– Значит, это была диверсия?

– Подскажи мне другую формулировку, и я воспользуюсь ею.

Келли пожал плечами.

– Неполадка в системе охлаждения, прорыв трубопровода высокого давления, например? – предположил он.

– Мелочь по сравнению с двумя зарядами таугермина, – категорично ответил дройд. – Нужны сильный удар и точный расчет направления, чтобы выбить поглощающие пластины из активной зоны. Почему ты пытаешься опровергнуть мои выводы?

– Я ищу логику, а если точнее – заказчика диверсии. Того, кому это было выгодно.

– Тогда обратись к электронному посланию, – посоветовал дройд. – Там, на мой взгляд, содержится недвусмысленный намек на вероятную причину событий.

Келли хмуро покосился на часы. До встречи оставалось десять минут.

– Домыслы журналистов... – начал он, но его фразу прервал отрицающий жест андроида:

– До сегодняшнего утра ты задумывался об истинных причинах взрыва?

– Нет.

– Техногенная катастрофа – и этим все сказано, верно? Все и ничего. Очень удобная формулировка, если не вникать в технические детали. Почему не взорвался реактор в российском секторе освоения? Две станции переработки атмосферы равноудалены от эпицентра первого взрыва и должны были получить приблизительно одинаковые повреждения, не находишь?

Марк вновь внимательно посмотрел на схему. Генри был прав, нравилось ему это или нет. Защита российского реактора устояла, в то время как процессор «Фон Брауна» подхватил эстафету неуправляемой цепной реакции... Зная всю строгость контроля над объектами повышенной техногенной опасности, трудно было предположить, что атмосферная станция корпорации находилась на момент первого взрыва в плачевном состоянии. Это выглядело очевидным нонсенсом – вокруг простирался полностью терраформированный, готовый к заселению регион, в который на протяжении нескольких лет вкладывались миллиардные инвестиции...

Мысли Келли прошли по замкнутому кругу и вернулись к породившему их сообщению. Не в первый раз он слышал либо читал о странных проблемах, которые возникли в этом регионе освоения Марса два десятилетия назад. Подобные слухи не рождаются на пустом месте.

«...Стоит отметить, что проблемная зона корпорации, откуда на протяжении последних месяцев поступали противоречивые слухи о массовых отказах кибернетических механизмов и систем автоматического управления, теперь превращена в радиоактивную пустошь...»

После технического обоснования, произведенного андроидом, цитата из журнальной статьи не казалась домислом, скорее ее автор догадывался об истинных причинах катастрофы...

Самым главным в марсианском проекте «Фон Брауна» был и остается по сей день параграф о неукоснительном соблюдении всех гарантий, которые давала корпорация своим клиентам. Такой подход был оправдан – случись в колонии серьезные проблемы, и это мгновенно отпугнет богатую прослойку земного общества. Кому тогда будут нужны терраформированные земли, отстроенные «под ключ» элитные усадьбы, кто захочет платить огромные суммы и лететь сюда?

Никто, подсказывала интуиция.

На фоне подобных рассуждений сама собой теряла необоснованность мысль о потере нескольких миллиардов евро. Майлер фон Браун всегда отличался жесткостью и радикальностью в решении острых неприятностей, встающих на пути развития марсианского проекта. Это был его стиль – одним ударом уничтожить источник глобальных проблем, сделав при этом виновником произошедшего новоазиатов, в то время как корпорация выглядела пострадавшей стороной...

– Генри, ты считаешь, что подрыв атмосферного процессора был организован руководством корпорации? – обратился он к дройду.

– Факты указывают на такой сценарий событий, Марк, – с неожиданной мягкостью ответил андроид. – Два десятилетия назад здесь происходило нечто загадочное. По моим сведениям, целый регион был охвачен эпидемией экзовируса, который с одинаковым успехом паразитировал как на машинах, так и на людях. У меня нет фактического материала для подтверждения, но взрыв второй процессорной станции явно свидетельствует о неполадках в кибернетических цепях, иначе система защиты исполнила бы свою роль.

– А ты сам? – внезапно сощурившись, спросил Марк. – Помнится, когда мы повстречались в первый раз, ты медленно вращался в земле, неподалеку от зоны тотальных разрушений.

– Да, – кивнув, согласился дройд. – Но то была охота на ведьм. Корпорация постаралась на славу – причиной сбоев они объявили серию кибермеханизмов производства концерна «Новая Азия». Я отношусь к их числу...

– Ладно, я понял. Повторяться не будем. – Келли коснулся сенсора зажигания, и двигатель машины заработал с едва слышимым утробным урчанием. – Я был слишком юн в ту пору, ты ничего не знаешь, но ведь кто-то стучится в дверь, желая напомнить о трагедии двадцатилетней давности. Не подскажешь – зачем? На мой взгляд, реанимировать скандал такой давности – затея весьма хлопотная и призрачная в плане успеха. Даже если намек на циничные действия «Фон Брауна» имеет под собой реальную почву.

– Извини, Марк, я недооценил отправителя, – ответил дройд. – Он намного умнее, чем показалось на первый взгляд. Конечно, поднимать скандал, опираясь на те события, бессмысленно. Целью являешься ты.

«Дэйш» слегка притормозил, сбрасывая скорость перед крутым поворотом дороги, огибающей холм.

– Выражайся конкретнее.

– Майлер умер, и сейчас назревает крупный дележ марсианского пирога. Ты – сильная фигура, Марк, за тобой стоит вся служба внутренней безопасности колониального отдела корпорации, а это, если называть вещи своими именами, маленькая, но хорошо вооруженная и дисциплинированная армия.

Келли помрачнел.

Было над чем задуматься. Строки электронного послания вкупе с последующими выводами уводили сознание в пучины памяти, словно за приборной панелью дорогой машины сидел не зрелый мужчина, а перепуганный, дезориентированный семилетний мальчик, только что ставший сиротой.

«Корпорация лишила тебя детства, – нашептывал внутренний голос, – и она же вырастила тебя, Келли, как лучшего из своих служащих».

Если автор послания рассчитывал на подобную реакцию, то он ее бесспорно добился.

– Подключись к базам данных, Генри, – произнес Марк, когда за поворотом дороги показались строения южного КПП. – Попробуй выяснить, кто, кроме самого Майлера фон Брауна, мог быть причастен к тем событиям. Меня интересуют живые, – уточнил он, паркуя машину. – И не высовывайся. Думаю, тебе не стоит светиться, пока я не выясню, что за птица наш новый управляющий. Сядь за руль и изображай электронного болвана, короче, сам знаешь... – Келли привычным движением освободил захваты скрытой под пальто наплечной кобуры. – Все, я пошел.

* * *

Назначенная на полдень встреча несла для Марка Келли двойную нагрузку: во-первых, ему предстояло разобраться с очередным нарушением границ со стороны новоазиатов, а во-вторых, к данному событию была приурочена его первая личная встреча с прибывшим накануне новым колониальным управляющим, присланным советом директоров корпорации после смерти Майлера фон Брауна. Генри был прав: назревал крупный дележ марсианской собственности, и такая манера «знакомства» с начальником службы безопасности говорила о хорошей осведомленности Дитриха Фридмана, – в частности, он заранее знал, что Келли большинство острых проблем решает лично, без помощников и свидетелей, но тем не менее настоял на встрече.

«Решил посмотреть на спектакль? Или желает составить обо мне личное мнение?» – думал Марк, направляясь к приземистому зданию КПП, подле которого стоял вездеход с эмблемой колониальной администрации. Рядом переминались с ноги на ногу двое личных охранников Фридмана, сам Дитрих, очевидно, зашел в помещение контрольно-пропускного пункта.

Келли кивком поздоровался с двумя новыми сотрудниками и прошел через автоматические двери внутрь приземистого здания.

Дитрих Фридман действительно поджидал его внутри. Вчера Келли разговаривал с ним по видеосвязи – заочное знакомство посредством телекоммуникаций состоялось сразу по прибытии управляющего на Марс, но видеокартинка и реальный образ имеют между собой мало общего, поэтому Марк не скрывал своей заинтересованности, пожимая руку Фридману.

Такой типаж людей ему нравился – Дитрих выглядел лет на сорок, его сухощавость не имела ничего общего с худобой – подтянутая фигура говорила в пользу систематических занятий спортом, а заостренность черт лица скрадывал подвижный цепкий взгляд серо-стальных глаз, в которых Марк не сумел прочесть ожидаемого выражения вальяжной самоуверенности.

Впрочем, он мог ошибаться в своих мысленных оценках, хотя первое впечатление оказалось приятным.

– Вы неуловимы, господин Келли, – посетовал Фридман, отвечая на крепкое рукопожатие. – Я полагал, что начальник службы безопасности сидит в офисе, а по регионам мотаются его подчиненные.

Марк принял доброжелательный тон и доверительно ответил:

– Есть сорт проблем, которые я привык решать лично.

Дитрих кивнул и тут же переспросил: А в чем, собственно, заключается нынешняя проблема? Насколько я понял, это связано с нашими соседями?

Келли подошел к настенному информационному экрану и включил его, вызвав изображение карты местности.

– Вот тут проходит *условная*, – он подчеркнул интонацией это слово, – граница между территориями «Фон Брауна» и концерна «Новая Азия». Четкого разграничения нет, после катастрофы двадцатилетней давности эти земли были отнесены в разряд зон повышенной опасности. По колониальному кодексу, преимущественное право на владение такими участками марсианской поверхности получает та организация или даже частное лицо, которое приложит эффективные усилия по очистке зараженного региона.

– По моим сведениям, наши службы приступили к деактивации зоны спустя год после катастрофы, – выказал свою осведомленность Фридман.

– Верно. Эти усилия продолжаются до сих пор, – кивнул Келли, указывая на неровные границы очищенных от радиации территорий. – Азиаты поначалу не проявляли никакой активности в этом направлении, но год назад тут появились их люди и техника. Я выяснил, что работы по вторичному терраформированию ведет одна из множества дочерних фирм концерна, которые возникают и исчезают, словно насекомые-однодневки. Это обычная практика новоазиатов, особенно в буферных зонах освоения, чуть что пойдет не так – фирма ликвидируется, будто ее никогда и не было.

– Ну, это не ново, – криво усмехнулся Фридман.

– Здесь не Земля, – с неожиданной жесткостью в голосе оборвал его Келли. – Я не склонен мириться с методами дикого бизнеса, – чуть понизив тон, добавил Марк, – в особенности когда речь идет об экологической безопасности.

– Наверное, я чего-то недопонимаю, – развел руками Дитрих. – Если наши коллеги из концерна очищают загрязненные территории, то их можно только поприветствовать, верно?

– Не всегда, – помрачнел Келли. – Лучше всего разобраться на месте. – Он бросил взгляд через окно и добавил: – Предлагаю воспользоваться вашим вездеходом. Моя машина плохо подходит для езды по пересеченной местности.

– Что ж, я не против, – с легкостью согласился Дитрих. – Это далеко?

– Километров десять по прямой.

– Поехали.

Они вышли из здания автоматизированного пропускного пункта, отмечающего границу между официально оформленными территориями корпорации и холмистой пустынной местностью, которая простиралась на сотни километров к югу, вплоть до отрогов горного хребта.

– Далеко отсюда до Российского сектора освоения? – осведомился Фридман, делая знак рукой одному из охранников.

– Их земли лежат к востоку. Границы не менялись со времен катастрофы, в этом вопросе русские придерживаются политики невмешательства и никогда не зарятся на чужое, что, на мой взгляд, выгодно отличает их от азиатов.

– Вы расист, Келли? – прищурился Фридман. Боковая дверь вездехода с шипением скользнула вдоль борта, открывая проход в тесный салон с несколькими креслами, явно демонтированными с пассажирского челнока.

– Я реалист, – в тон ему ответил Марк.

– Наверное, я плохо разбираюсь в людях, – с непонятной досадой буркнул Дитрих, усаживаясь в кресло. – На мой взгляд, здесь, на Марсе, идет жесткая конкуренция...

Келли остановил его протестующим жестом:

– Фридман, вы должны понять: Марс – это не полигон, не свалка и не элитный поселок. Мы на *планете*. Здесь все прихотливо перемешано – чудесные ландшафты соседствуют с мертвыми равнинами, элитные коттеджи с трущобами временных бараков, и людей здесь принято разделять не по расовой принадлежности, а по их делам.

Дитрих внимательно выслушал Келли и покачал головой:

– Не понимаю, как это возможно.

– Нас, по сравнению с земным муравейником, еще очень мало...

– Кого вы имеете в виду?

– Марсиан, – лаконично ответил Марк, но тут же развернуто пояснил: – Коренных жителей колонии, кто родился тут или проживает на постоянной основе. Таких вы насчитаете тысяч десять, не более. Остальные – временщики, люди, у которых контракт на год или два. О них я не сужу.

– Станный подход. И вообще, откуда такие цифры? Мне казалось, что только в секторе освоения Новой Азии проживают от тридцати до сорока тысяч человек.

– Верно. Но *марсиан* там всего несколько сот. Остальные – это наемные рабочие, их привозят транспортные корабли, те самые, что доставляют на орбитальные заводы Земли обогащенную марсианскую руду.

Фридман удивленно посмотрел на Келли.

– Странная арифметика... – недоуменно произнес он. – По вашим словам выходит, что сектор новоазиатов какая-то черная дыра...

Келли пожал плечами:

– Называйте как хотите. Одно я знаю наверняка – концерн широко использует примитивный ручной труд и нисколько не дорожит рабочей силой. Люди мрут, как в Средние века, а их руководству, похоже, наплевать на это. Ни для кого не секрет, что на Земле существует проблема перенаселения, и они легко черпают человеческие ресурсы, загребая их со «дна» своих мегаполисов. Доставка на Марс осуществляется варварским способом – в трюмах грузовых кораблей, где «поселенцы» вынуждены проводить по несколько месяцев в условиях тесноты, антисанитарии и низкой гравитации. Могу вас уверить – не все доживают до окончания перелета.

Дитрих только покачал головой.

– Теперь подумайте, Фридман, с кем приходится иметь дело силам корпорации в пограничных зонах, – продолжал развивать свою мысль Келли.

Новый управляющий на секунду закрыл глаза, а затем честно ответил:

– Мне трудно представить подобное. На Земле все *преподносится* совершенно иначе.

– Вот именно – преподносится, – соглашаясь с его оценкой, кивнул Марк. – Конечно, среди азиатов попадаются нормальные люди, но они редкость, учитывая схему подбора кадров для колонии. Мне такое соседство доставляет массу неприятных проблем. И дело тут вовсе не в расизме, а в той политике, что из года в год проводит руководство «Новой Азии». Они, несомненно, развивают свой сектор, у азиатов полно высокотехнологичных производств, их

кибернетическими системами местного производства оснащается почти вся техника колонии, но все это построено на человеческих костях – иной, более мягкой формулировки я подобрать не могу.

Фридман взглянул на обзорный дисплей. Вездеход, переваливая через ухабы, медленно полз между двумя пологими возвышенностями, покрытыми похжей на спрессованный пепел серой коростой.

Непривлекательные места.

– Хорошо, вашу характеристику сотрудников концерна я понял. А что представляет собой население Российского сектора?

Келли был приятно удивлен заинтересованностью Фридмана. Обычно высшие чины корпоративной иерархии не пытались вникать в тонкости формирования отдельных зон освоения Марса, для этого существовали аналитические отделы компании, составляющие тематические отчеты за каждое полугодие, но, насколько знал Марк, верхушка колониальной администрации «Фон Брауна» не утруждала себя их прочтением – для совета директоров корпорации Приоритетными являлись три направления: обеспечение незыблемости границ, внутренний порядок в секторе и стабильный прирост прибыли. Они лишь диктовали политику, а конкретные методы ее претворения в жизнь являлись головной болью исполнителей, к разряду которых относил себя Келли.

– С русскими можно иметь дело, – ответил он на заданный вопрос. – Во-первых, их немного – около двух тысяч человек, во-вторых, на Марс прилетают в основном ученые и технические специалисты, в корне отличающиеся от того контингента рабочих, что завозят в колонию азиаты. Мы успешно сотрудничаем, у нас отлаженная схема бизнеса, основанная на бартерных сделках, – русские поставляют нам продовольствие в обмен на тяжелую технику для терраформирования.

– Что, с ними нет вообще никаких проблем? – недоверчиво переспросил Фридман.

– Нет, – пожал плечами Келли. – С моей точки зрения, они лучше других понимают истинную, уникальную ценность Марса.

– Интересно. В чем же заключается эта исключительная ценность?

Келли на секунду задумался, а затем ответил откровенно, как думал:

– Колония похожа на чистый лист бумаги. Главная ценность марсианских земель не в количестве полезных ископаемых и не в производственных мощностях, которые возводятся тут, а в возможности воссоздать на терраформированных землях утраченную на Земле экосферу.

Дитрих пристально посмотрел на Келли, а потом заметил:

– Вы действительно рассуждаете как реалист...

– Я марсианин, – повторил Марк режущую слух формулировку. – Уроженцы колонии смотрят на мир немного под другим углом. Можно работать на корпорацию, но при этом нельзя забывать о том, что твоей родиной является вся планета, вне зависимости от зон освоения. Мы с вами отличаемся тем, что даже в бесплодных пустынях, где еще не проходили машины терраформирования, я ощущаю себя, как дома, понимаете?

– С трудом, – ответил ему Дитрих. – Но обещаю, что постараюсь понять.

В глазах Фридмана на мгновение промелькнуло и тут же исчезло выражение крайней обеспокоенности. Келли заметил этот секундный блеск, но понять, чем он вызван, не смог.

«Наверное, все же волнуется перед встречей с азиатами...» – решил про себя Марк. – Хотя что ему грозит, рисковать своей шкурой буду я...» – тут же мысленно поправился он.

Вездеход к этому времени уже преодолел пологий склон холма и остановился, не доезжая до гребня возвышенности, с которого открывалась панорама глубокой котловины, а если быть точнее – прямоугольного карьера, в одной части которого велась добыча небогатой

руды, а в другой высились конические горы серо-коричневой, спекшейся в сыпучие корпускулы почвы.

Келли, привычно манипулируя технологической оснасткой вездехода, выстрелил два видеозонда, один из которых вонзился в камень, выступающий из почвы на самом гребне возвышенности, а второй перелетел через нее, прочно зацепившись крепежными шипами за почерневший ствол дерева, погибшего много лет назад.

Секунду спустя на экраны вездехода начало поступать видеоизображение.

* * *

– Что это значит? – резко осведомился Фридман, сверившись с компьютерной картой. – По моим данным, этот участок был подвергнут процедуре интенсивной деактивации. – Он щелкнул ногтем указательного пальца по той части информационного экрана, где красными, тревожно мигающими цифрами отражалось значение уровня радиации.

– Перед вами образчик «терраформирования по новоазиатской схеме», – недобро усмехнулся Марк. – Здесь неподалеку расположена долина, где до катастрофы существовал поселок и рудообогатительный комплекс концерна. Теперь они взялись за его восстановление.

Фридман мрачно посмотрел на экран и уточнил:

– Серые отвалы, которые я вижу...

– Это верхний слой радиоактивной почвы. Они срезают ее и везут сюда, постепенно заполняя карьер. Обратно грузовые вездеходы доставляют партии руды из открытой выработки. Еще две–три недели, и азиаты уйдут отсюда, оставив после себя тщательно выровненное захоронение. В результате их долина будет подготовлена для несложной процедуры остаточной деактивации, а запускаемые в производственный цикл обогатительные комплексы получат сырье на первое время работы.

– А мы? Эти земли заявлены на...

– Мы получаем неуклюже замаскированный могильник радиоактивной почвы, – ответил Келли.

– Зачем вы привезли меня сюда? – сощурился Дитрих. – Почему, вместо того чтобы действовать, мы катаемся по нейтральным территориям?

Марк молча протянул ему мобильный коммуникатор.

– Действуйте, – предложил он. – Свяжитесь, с кем сочтете нужным. Нажмите на административные рычаги. Погрозите азиатам пальцем по статкому, и завтра, а может, даже сегодня, их здесь уже не будет. Они даже не станут зарывать эти отвалы, просто бросят все как есть и исчезнут.

Глаза Фридмана начали мутнеть, но Марк сделал вид, что не замечает явного приступа гнева. Вместо того чтобы ждать, пока новый управляющий разразится очередной тирадой, он спокойно произнес:

– Я направлялся сюда, чтобы действовать. Это вы решили поехать со мной.

– Вы в своем уме, Келли?! – палец Дитриха выразительно ткнул в экран. – Это, по вашему, кто?

– Охрана. – Марк коснулся сенсора, и контуры человеческих фигур, облаченных в легкую защитную экипировку, подсветились алым. – Двадцать пять человек, вооружены автоматическими короткоствольными «ИПП-40» модели «гервет», – спокойно прокомментировал он, снимая с магнитной липучки значок служащего корпорации. Два «скорпиона» из наплечных кобур переключались в карманы наглухо застегнутого пальто, и фигура Марка обрела законченную *безликость*.

– Что вы намерены предпринять, Келли?!

– Это нейтральная территория, Фридман. Сейчас я не сотрудник корпорации, а коренной уроженец планеты Марс, твердо убежденный, что нехорошо гадить там, где живешь. Они этого не понимают. Иногда язык грубой силы – единственное средство общения, – заключил он. – К тому же у меня с самого утра скверное расположение духа... – При этих словах он исподволь взглянул на лицо Дитриха, но не заметил, чтобы на нем дрогнул хотя бы один мускул. Сейчас перед ним стоял недоумевающий чиновник, пытавшийся, к чести сказать, удерживать себя в руках. Намек на утреннюю электронную почту не произвел на Фридмана никакого впечатления.

«Значит, отправитель не он», – сделал предварительный вывод Марк.

– Я оставляю коммуникатор включенным. Вы сможете слышать, что происходит на площадке. – Келли коснулся сенсора, и массивная бронированная дверь плавно скользнула в сторону. – Думаю, вам не стоит вмешиваться.

Когда бронированная плита встала на место, Фридман позволил себе невнятно выругаться.

Два его телохранителя – один за пультом управления вездехода, а второй у контрольной панели информационной системы – переглянулись между собой. Их взгляды будто говорили друг другу: сейчас посмотрим, как этот крутой марсианин превратится в дуршлаг под огнем двух десятков скорострельных «герветов».

«Пижон... Даже пальто не снял. Как он двигаться-то будет в таком „панцире“?» – неприязненно подумал водитель, провожая взглядом фигуру Келли.

Дитрих тем временем сел в кресло подле информа², куда видеозонд разведки передавал подробное изображение, масштабируя его с виртуозностью профессионального оператора, ведущего прямую трансляцию с популярного на Земле шоу «Выживание».

Динамики объемного звучания пока что передавали едва слышное дыхание Келли да приближающийся звук работающих двигателей грузовых вездеходов.

«Он с ума сошел...» – Фридману импонировала храбрость, но не безрассудство. Здесь Келли мог бы поспорить с управляющим, который смотрел на ситуацию с привычной для него точки зрения: двадцать пять автоматических стволов – это стена огня, где каждая вторая пуля – твоя. *«Да и вообще, как он собирается заставить их разгребать эту помойку?!»*

Мысленный вопрос остался без ответа – Келли в этот момент достиг вершины холма и присел, правой рукой достав изготовленный к стрельбе «скорпион».

«У парня точно крыша набекрень...»

Камера взяла резкое увеличение, показав, как Марк привычным движением большого пальца освободил от фиксатора и откинул в верхнее положение миниатюрный электронно-оптический прицел. Подняв тяжелый автоматический пистолет, он спокойно прицелился и плавно надавил на сенсорную гашетку огня.

Аудиосистема передала приглушенный хлопок, и азиат, выставленный в оцепление карьера, инстинктивно схватился руками за горло, откуда торчал пластиковый микроинъектор с парализующим составом.

Дитрих почувствовал, как на лбу выступили мелкие бисеринки пота. Он ждал иного – брызг крови, хриплого, захлебывающегося крика и шквального ответного огня, однако часовой не издал ни звука, мешковато осев на землю.

Марк тем временем выпрямился, брезгливо стряхнул с полы пальто белесую пыль и спокойным, уверенным шагом направился вниз по крутой тропе, протоптанной во время смен постовых.

Видеосистемы разведзондов будто угадывали его намерения, по крайней мере, Фридману казалось, что камеры не только неотступно следуют за фигурой Марка, но и читают направ-

² Информ – информационный экран.

ление его взгляда... Вот на экране промелькнули силуэты охранников, расхаживающих среди поднятой грузовыми вездеходами пыли, затем в фокус передающего устройства попал шикарный внедорожник марки «Форкасо», припаркованный на небольшой площадке в стороне от глубокой наезженной колеи. Поляризованные стекла машины не позволяли разглядеть, есть ли кто в салоне, но легкое, змеящееся марево чистого от пыли воздуха указывало на работу встроенного климатического процессора. Значит, в машине кто-то сидел...

Марк тем временем добрался до часового, снял с его лица дыхательную маску, надел ее и теперь направлялся к внедорожнику. Он миновал уже половину пути и был на дне карьера, когда на него обратил внимание один из охранников Азиат несколько секунд напряженно следил за фигурой в длинном пальто, затем сделал шаг вперед и окликнул Келли на своем языке.

– Стой! Ты куда? – раздался в отсеке вездехода синхронный перевод, который вела кибернетическая система слежения.

К удивлению Дитриха, Марк остановился и спокойно ответил на универсальном языке Новой Азии:

– Я от Липень Ляо, придурок. – Он боковым зрением зафиксировал, как из клубов пыли с разных сторон начала подтягиваться охрана, не менее десятка человек. – Господин Хо Хуань ждет меня, ему должны были позвонить.

– Где твоя машина? – с подозрением переспросил охранник. Упомянутое имя произвело на него определенное впечатление, а природная грубость, помноженная на привычную вседозволенность собственного положения, породила в интонациях его голоса удивительную смесь наглости, недоверия и опасливой почтительности.

– Она завязла в грязи за холмом, – ответил Марк на его вопрос.

Круг охранников начал опасно сужаться. Многие, не слышавшие разговора, уже держали пальцы на га-Щетках.

В этот момент ветровое стекло машины начало медленно опускаться.

– Сейчас господин Хо Хуань вправит тебе мозги, – угрожающе произнес Марк, так чтобы его услышали все приблизившиеся охранники, одновременно передернув плечами, будто от крайнего негодования.

В следующий миг у Дитриха Фридмана перехватило дыхание – он увидел, как Марк с двумя «скорпионами» в руках рывком подался назад и вбок, мгновенно заблокировав линию огня телом остановившего его охранника и на два шага приблизившись к внедорожнику, стекло которого вдруг остановилось, оставшись в полуопущенном положении.

Дальнейшие несколько секунд слились в одно стремительное, но точно выверенное действие.

Охранник, заслонявший Марка от своих коллег, отреагировал с секундным опозданием – он ринулся вперед, вскидывая «гервет», но две пули, выпущенные Келли, пробили его предплечья, выключив обе руки, – ослабевшие пальцы выронили тяжелый «ИПП», и азиат вдруг истошно завыл, осознав пронзившую его боль.

Отступая к машине, Келли продолжал стрелять, не останавливаясь, – казалось, его взгляд фиксирует малейшее движение, а разум успевает просчитывать обстановку с точностью кибернетического устройства.

Еще двое охранников рухнули в пыль – у обоих были прострелены руки, и только тут до Дитриха, в немом оцепенении наблюдавшего за событиями, дошло, что в ответ еще не прозвучало ни одного выстрела, – Марк перемещался так стремительно и искусно, что камера слежения не успевала реагировать на его молниеносные рывки, сопровождавшиеся отрывистыми одиночными выстрелами «скорпионов».

Оказывается, только первый патрон в обойме был снаряжен специальной бесшумной капсулой, оснащенной парализующим инъектором, далее шел стандартный титан в оболочке из мягкого сплава.

Причина, по которой охранники не открыли ураганный огонь на поражение, была проста: Марк действовал с завидным хладнокровием, в котором просматривался трезвый расчет профессионала, – несколько мгновений его закрывало оседающее в пыль тело раненого азиата, а спустя четыре секунды после первых выстрелов он уже находился подле пассажирской двери внедорожника, и, стреляя по нему, азиаты изрешетили бы салон машины вместе с сидящим внутри боссом.

Два телохранителя Фридмана уже не усмехались. Было что-то зловещее, эстетичное в четких, отточенных до автоматизма движениях Келли. Он рисковал жизнью, но делал это хладнокровно, обдуманно, вот только побудительные мотивы его поведения до сих пор оставались неясны. Фридмана никак не устраивала промелькнувшая в их разговоре ссылка на особенное отношение Марка к способам освоения марсианских пустынь.

«Кому он служит? Корпорации? Себе лично?»

Дитрих машинально сопоставил в уме суммы, выплачиваемые корпорацией начальнику отдела внутренней безопасности, с тем смертельным риском, которому в данный момент подвергал себя Келли вместо того, чтобы препираться с азиатами по статкому, сидя в удобном офисном кресле, вдали от радиоактивной пыли и визгливого посвиста пули.

Что-то не складывалось в сознании Фридмана...

Эти мысли промелькнули в голове управляющего за те секунды, что понадобились Марку для рывка к машине.

Находящийся внутри человек не успел ни осознать происходящего, ни поднять злополучное стекло – его палец, соскочивший с пятнышка сенсорной кнопки стеклоподъемника, никак не Мог найти ее вновь, когда горячий ствол «скорпиона» уперся ему в лоб.

– Не дергайся, – предупредил Келли, услышав, как зашипела кожа на лбу у азиата. – Свяжись с охраной, быстро. Прикажи всем бросить оружие на землю.

Пару секунд спустя «герветы» охранников полетели в пыль.

– Теперь пусть подойдут ближе, чтобы я видел всех. Двадцать четыре человека, без оружия, понятно?

– Кто ты такой?! – прошипел Хо Хуань, но, скосив глаза на бесноватого незнакомца, словно призрак материализовавшегося посреди карьера, предпочел буквально исполнить его требования, выдохнув в коммуникатор нужный набор фраз.

– Уже лучше, – похвалил его Марк. Кислородная маска скрывала большую часть его лица, меняя тембр голоса, но глаза оставались прежними, холодными, будто льдинки, и их взгляд действовал на Хо Хуаня гораздо сильнее, чем слова.

Мимо, не делая резких движений, прошли обезоруженные охранники с перекошенными от ненависти лицами. Выстроившись перед машиной в неровную шеренгу, они ждали дальнейших указаний, не в силах что-либо предпринять.

Марк мысленно сосчитал их и произнес, обращаясь к молодому боссу азиатов:

– Медленно открой переднюю дверь. Попытаешься меня толкнуть – пристрелю.

Оказавшись в салоне, он коснулся сенсора стеклоподъемника, и поляризованное стекло поднялось, скрыв происходящее внутри машины от наблюдателей.

– Коммуникатор, оружие и чип круиз-контроля, – потребовал он.

Хо Хуань – один из младших отпрысков семьи Ляо – выполнил требование, процевив сквозь зубы:

– Тебе это не пройдет даром.

– Взаимно, – огрызнулся Марк, разбив рукоятью «скорпиона» компьютерный чип. Теперь передвижения машины было невозможно отследить со спутников. – Есть еще локальная сигнализация?

Хо секунду помедлил, потом молча указал на отдельный блок приборной панели.

Возиться с электроникой было некогда, и Келли дважды выстрелил в устройство радиомаяка.

– Скажи им, что ты жив, – он протянул коммуникатор пленнику. – Пусть пригласят начальника рабочей смены.

Хо Хуаню не оставалось ничего иного, как выполнить требования Келли. Он откровенно не понимал, что происходит, а защитная маска, скрывающая лицо Марка, не давала возможности опознать внезапного визитера.

Вызвав старшего смены, он передал коммуникатор Келли и застыл в кресле. Лицо молодого азиатского аристократа искажала гримаса ненависти, за которой прятался тщательно скрываемый страх.

– Ты заведешь этой помойкой? – резко осведомился Марк, когда на том конце связи кто-то хрипло задышал.

– Да, сикоромо³...

– Слушай внимательно. У господина Хуаня возникло желание прокатиться по окрестностям. Он понял, что концерн совершил необдуманный поступок, пытаясь захоронить радиоактивные отходы на территории, где вскоре поселятся ничего не подозревающие люди. Это нехорошо, и он хочет, чтобы ты лично организовал вывоз отходов назад в долину. Убрать нужно все, до последней крохи зараженной земли. Ты меня понял?

– Да, сикоромо.

– Учти, господин Хуань отключил все средства контроля и будет ездить со мной до тех пор, пока последний грузовой вездеход не уйдет из карьера. После я позвоню на этот же коммуникатор и скажу, где остановился ваш молодой босс. Задача ясна? Действуй. И помни, судьба Ляо-младшего в твоих руках. Ты можешь, стать большим человеком.

Келли свернул панель коммуникатора и отключил питание, чтобы прибор не запеленговали, позвонив на его номер.

– Трогай, – приказал он пленнику. – На выезд из этой помойки, потом направо, к старой трассе.

* * *

Спустя сорок минут машина, сделав несколько кругов по незнакомой для Хо Хуаня местности, остановилась под сенью корявого, мутировавшего после взрыва атмосферных процессоров хвойного редколесья, Келли молча достал две ручные осколочные гранаты, с характерными щелчками повернул диски предохранителей, зафиксировав подпружиненные столбики взрывателей в позиции «растяжка», затем закрепил их на подлокотниках водительского кресла и, соединив оба взрывных устройства тонкой сталистой проволокой, приказал:

– Затылок на подголовник.

Хо Хуань покорно запрокинул голову.

– Открой рот.

Азиат секунду помедлил, но все же повиновался. Келли пропустил туго натянутую проволоку через приоткрытый рот и посоветовал:

– Зажми ее крепче зубами. И постарайся не мотать головой. Когда твои люди вывезут всю дрянь назад на территорию концерна, я позвоню и скажу, где они могут тебя забрать. До

³ Уважаемый.

этого момента придется посидеть тихо и терпеливо... если не желаешь взлететь на воздух. – Произнося эту фразу, Марк пристегнул руки Хо Хуаня к рулевой колонке, еще более ужесточив его позу, и добавил, открыв пассажирскую дверь: – Если ты терпелив, а твои люди расторопны, все обойдется. Вздумаешь меня искать – милости прошу. Могу дать небольшую подсказку: обрати внимание на рабов, которых вы захватываете здесь, на Марсе. Возможно, это облегчит тебе поиск, но, на мой взгляд, будет лучше, если ты их просто освободишь. Иначе я могу прийти еще раз, понимаешь?

В ответ раздалось лишь сдавленное мычание. Тугая проволока накрепко приторочила голову Хуаня к подголовнику кресла – он не видел двух прикрепленных к подлокотникам гранат, но *ощущал* их каждой клеточкой своего тела, невольно сжимая зубами тонкую стальную нить.

Марк вылез из машины, осторожно закрыл пассажирскую дверь и, зашагал напрямик через чахлый перелесок к развилке дорог.

* * *

В двух километрах от перелеска, на развязке старых магистралей его поджидал Генри.

Опустившись на заднее сиденье, Марк с облегчением снял изрядно надоевшую дыхательную маску, отдающую запахом чужого тела, и кинул ее в мусорный отсек, встроенный в дверь комфортабельной машины.

– Не забудь отправить мусор в утилизатор, – напомнил он андроиду. – Пальто отдашь в чистку.

Дройд кивнул, включая систему защиты от прослушивания.

– Есть важная информация, Марк, относительно Утреннего послания, – не поворачиваясь, произнес он.

«Дэйш» уже набирал скорость, двигаясь к южному КПП.

– Ну? – Келли приспустил стекло и прикурил сигарету.

– Я еще раз обработал данные, исходя из предположения, что диверсионный акт на двенадцатой станции переработки атмосферы был организован при непосредственном участии корпорации.

– Выяснил что-нибудь? – глубоко затягиваясь, спросил Марк.

– Относительно проблем, возникших у корпорации в районе Нью-Даймонда, прямых данных обнаружить не удалось, по внутреннему поиску в корпоративной сети я вместо ответа получил лишь код ошибки Копнув глубже, нарвался на систему защиты, которую категорично не устроил твой уровень доступа. Поиск в открытых базах данных пестрит журналистскими домыслами, которые не подтверждены ни одним реальным фактом. Все тщательно прибрано. Да, была авария на рудообогатительном комплексе близ Нью-Даймонда, в результате взрыва силовой установки погибли два десятка человек, но что интересно: среди жертв не только простые рабочие – там погиб некто Френк Лаймер, занимавший двадцать лет назад должность главного инженера корпорации. Слишком крупная и заметная фигура, чтобы предположить его случайное появление на территории комплекса к моменту локальной техногенной катастрофы. Френк, ко всему прочему, проживал на Земле и прибыл на Марс за неделю до своей гибели.

– Значит, проблемы технического плана, на которые так упорно намекали в прессе, все же были, – задумчиво произнес Марк, тщательно обдумывая услышанное. – Причем они явно носили незаурядный характер, если главный инженер корпорации срочно вылетел в колонию.

– Я придерживаюсь той же логики. Учитывая уровень секретности, которым окружены события, нетрудно предположить, что достоверной информацией владел лишь узкий круг лиц. Я выяснил, кто в тот момент занимал ключевые должности на Земле и Марсе.

– Ну, не тяни...

– Исключая самого Маклера фон Брауна, в суть проблем могли быть посвящены еще пять или шесть человек. Во-первых, главный инженер, назначенный на место погибшего Лаймера, – некто Толмачев. Он без вести пропал в колонии два десятилетия назад. Официально – погиб при взрыве атмосферных процессоров. Во-вторых, начальник марсианского отделения службы корпоративной безопасности Николай Скрягин.

– Тоже пропал без вести?

– Именно.

Келли лишь покачал головой:

– Давай дальше. Три трупа уже есть.

– Собственно, к списку можно добавить самого Майлера фон Брауна и его правую руку, некоего Дей-вида Мошера. Сейчас о нем мало кто помнит, но два десятилетия назад он являлся заметной фигурой в корпоративной иерархии.

– У меня с твоих слов создается ощущение, что все ниточки, ведущие к тем событиям, тщательно обрублены.

– Не совсем так, – возразил дройд. – Глава корпорации, как тебе известно, скончался. Но ведь кто-то отправил письмо. Остается упомянутый Дейвид Мошер, бессменный заместитель Майлера, второй акционер «Фон Брауна»...

– Где и при каких обстоятельствах он погиб? – хмыкнув, переспросил Марк.

– Вот тут ты ошибся. Он жив. Мошер покинул пост вице-президента корпорации десять лет назад и с тех пор поселился тут в колонии.

– Ты не ошибся? – голос Келли слегка дрогнул, выдавая волнение. Андроид был единственным, с кем Марк мог позволить себе подобную роскошь – говорить эмоционально и непринужденно.

– Я все тщательно проверил, пока ты был занят. Дейвид Мошер тут, на Марсе, ему недавно исполнилось семьдесят, но, по данным медицинской карты, старик находится в трезвом уме и твердой памяти.

– Ты считаешь, что отправитель письма он?

– Пятьдесят на пятьдесят, Марк, – выдал свою оценку вероятностей андроид.

Келли не ответил. Несколько минут он смотрел в окно, на проносящиеся мимо ландшафты, размышляя над новой информацией, затем, когда впереди показался знакомый поворот дороги, произнес:

– Включи музыку, Генри. И веди себя в присутствии Фридмана как положено.

* * *

По лицу Дитриха трудно было ответить: зол он или же, наоборот, восхищен действиями главы службы безопасности.

Он вышел из здания КПП и напрямик направился к плавно вырулившему на парковочную площадку элегантному «Дэйшу». Охрана попыталась последовать за ним, но Фридман остановил их, раздраженным жестом руки указав на вездеход.

Открыв заднюю дверь машины, он сел рядом с Марком и спросил:

– Вы всегда действуете подобным образом, Келли?! Марк пожал плечами.

– Только в особо запущенных ситуациях, – ответил он.

– Значит, я могу считать, что просто удачно оказался в нужное время, в нужном месте? Если это не система, то я закрою глаза на инцидент и постараюсь забыть увиденное.

– А в чем дело, господин Фридман? Разве я каким-то образом подставил корпорацию? Или азиаты не выполнили моих требований?

– С этим все в порядке, – буркнул Дитрих. – Они так суетятся, что уже успели сделать два рейса в долину, вывозя назад радиоактивную почву.

– Ну вот видите. Я же говорил: есть сорт людей, которые понимают только прямой язык силы. Переговоры с ними бесполезны.

Глаза Фридмана сузились.

– Это я усвоил давно, еще на Земле, – с внезапной резкостью ответил он. – Но концерн «Новая Азия» – мощная организация с клановой структурой. Если я не ошибаюсь, то один из младших членов семьи Ляо сейчас сидит с растяжкой в зубах и двумя готовыми взорваться гранатами...

– Успокойтесь, господин Фридман. Пусть немного попотеет от страха. Гранаты учебные, а я не идиот, чтобы доводить азиатов до состояния праведного гнева. Никто не умрет. Если вы внимательно наблюдали за моими действиями, то наверняка заметили, что в столкновении не погиб ни один охранник.

– Да, заметил... – Фридман мог изображать что угодно, но в душе он все же восхищался Келли. Если поначалу он принял его за самоуверенного отморозка, то теперь мысленно извинился перед Марком, продемонстрировавшим завидное хладнокровие и тонкий психологический расчет.

– Откуда вы знаете их язык? Специально учили для подобного рода акций?

– Я был в рабстве у азиатов. Фридман удивленно повернул голову:

– Об этом ничего не сказано в вашем досье.

Келли усмехнулся:

– Я изъяснялся отсюда некоторые пункты своей биографии, злоупотребив служебным положением.

– И так просто рассказываете об этом?

– Вы бы все равно узнали. Электронные досье – не единственный и отнюдь не самый полный источник информации о сотрудниках корпорации.

Фридман на секунду задумался.

– Это многое объясняет в вашем поведении... Нельзя ли получить краткую справку из первых рук?

Келли поморщился, но ответил:

– Вы знаете, что такое корпоративный учебный корпус?

– Нет. Что-то слышал о нем, но подробностей не припомню.

– Вам придется многое переосмыслить, прежде чем вы поймете, что на самом деле представляет собой колония. Корпорация предоставляет своим клиентам полностью автоматизированные усадьбы с прилегающим землевладением. С точки зрения рядового гражданина Земли, особняки на Марсе – это верх роскоши и удобств, но в сектор «Фон Брауна» редко попадают простые смертные. В основном здесь живут очень состоятельные люди, чаще всего пожилого возраста, многие из них консервативны, они привыкли к земному быту, и их не устраивают андройды, массово применяемые в качестве прислуги. Они хотят видеть подле себя живых людей, и корпорации часто приходится нарушать правила, идя навстречу желаниям клиентов.

– Хотите сказать, что здесь есть незаконные поселенцы?

– Можете называть это как угодно, Фридман. Категория людей без гражданства, не внесенных в списки колониальной администрации, люди-призраки, привезенные сюда по прихоти богатых клиентов, – они вроде бы существуют, но принято считать, что их нет. Вот такой парадокс. Им запрещено иметь детей, но это правило нарушается столь же часто, как основные пункты стандартного контракта. В-результате население Марса имеет нелимитированный прирост. Обычно детей, рожденных вопреки запрету, забирают у родителей, отдавая в специализированное учреждение, которое готовит новые кадры для нужд колонии. Оно-то и называется корпоративным учебным корпусом. Я попал туда после смерти матери. Спустя три года я

бежал и, как следствие, попал к азиатам. Еще четыре года я провел на территории концерна, *в рабстве*. Потом мне удалось бежать и оттуда.

Келли посмотрел в окно и продолжил:

– Все познается в сравнении, господин Фридман, и после тех лишений, которые я терпел у азиатов, трудности, подбившие меня на побег из корпоративного училища, показались попросту смехотворными, поэтому я вернулся сюда, но уже совершенно иным, – во-первых, я повзрослел, во-вторых, научился по-настоящему ненавидеть, ну а в-третьих – набрался ума или, как принято говорить, раннего жизненного опыта. Это помогло мне в дальнейшем. Начав свою карьеру простым охранником, я быстро получал повышения и за десять лет прошел всю иерархическую лестницу – от рядового сотрудника до начальника отдела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.